Театр

Автор:
Сомерсет Моэм

Театр

Сомерсет Моэм

«Театр» – самый известный роман Сомерсета Моэма.

Тонкая, едко-ироничная история блистательной, умной актрисы, отмечающей «кризис середины жизни» романом с красивым молодым «хищником»?

«Ярмарка тщеславия» бурных двадцатых?

Или – неподвластная времени увлекательнейшая книга, в которой каждый читатель находит что-то лично для себя?

«Весь мир – театр, и люди в нем – актеры!»

Так было – и так будет всегда!

Сомерсет Моэм

Театр

W. Somerset Maugham

THEATRE

Печатается с разрешения The Royal Literary Fund и литературных агентств AP Watt Limited и Synopsis.

© The Royal Literary Fund, 1937

© Перевод. Г. Островская, наследники, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава первая

Дверь отворилась, Майкл Госселин поднял глаза. В комнату вошла Джулия.

– Это ты? Я тебя не задержу. Всего одну минутку. Только покончу с письмами.

– Я не спешу. Просто зашла посмотреть, какие билеты послали Деннорантам. Что тут делает этот молодой человек?

С безошибочным чутьем опытной актрисы приурочивая жест к слову, она указала движением изящной головки на комнату, через которую только что прошла.

– Это бухгалтер. Из конторы Лоренса и Хэмфри. Он здесь уже три дня.

– Выглядит очень юным.

– Он у них в учениках по контракту. Похоже, что дело свое знает. Поражен тем, как ведутся у нас бухгалтерские книги. Он не представлял себе, что можно поставить театр на деловые рельсы. Говорит, в некоторых фирмах счетные книги в таком состоянии, что поседеть можно.

Джулия улыбнулась, глядя на красивое лицо мужа, излучающее самодовольство.

– Тактичный юноша.

– Он сегодня кончает. Не взять ли его с собой перекусить на скорую руку? Он вполне хорошо воспитан.

– По-твоему, этого достаточно, чтобы приглашать его к ленчу?

Майкл не заметил легкой иронии, прозвучавшей в ее голосе.

– Если ты возражаешь, я не стану его звать. Я просто подумал, что это доставит ему большое удовольствие. Он страшно тобой восхищается. Три раза ходил на последнюю пьесу. Ему до смерти хочется познакомиться с тобой.

Майкл нажал кнопку, и через секунду на пороге появилась его секретарша.

– Письма готовы, Марджори. Какие на сегодня у меня назначены встречи?

Джулия вполуха слушала список, который читала Марджори, и от нечего делать оглядывала комнату, хотя помнила ее до мелочей. Как раз такой кабинет и должен быть у антрепренера первоклассного театра. Стены были обшиты панелями (по себестоимости) хорошим декоратором, на них висели гравюры на театральные сюжеты, выполненные Зоффани и де Уайльдом. Кресла удобные, большие. Майкл сидел в чиппендейле[1 - Стиль английской мебели XVIII века.] – подделка, но куплена в известной мебельной фирме, – его стол, с тяжелыми пузатыми ножками, тоже чиппендейл, выглядел необыкновенно солидно. На столе стояли ее фотография в массивной серебряной рамке и, для симметрии, фотография Роджера, их сына. Между ними помещался великолепный серебряный чернильный прибор, который она подарила как-то Майклу в день рождения, а впереди – бювар из красного сафьяна с богатым золотым узором, где Майкл держал бумагу на случай, если ему вздумается написать письмо от руки. На бумаге был адрес: «Сиддонс-театр», на конвертах эмблема Майкла: кабанья голова, а под ней девиз: «Nemo me impune lacessit»[2 - Никто не тронет меня безнаказанно (лат.).]. Желтые тюльпаны в серебряной вазе, выигранной Майклом на состязаниях по гольфу среди актеров, свидетельствовали о заботливости Марджори. Джулия бросила на нее задумчивый взгляд. Несмотря на коротко стриженные, обесцвеченные перекисью волосы и густо накрашенные губы, у нее был бесполый вид, отличающий идеальную секретаршу. Она проработала с Майклом пять лет, должна была вдоль и поперек изучить его за

это время. Интересно, хватило у нее ума влюбиться в него?

Майкл поднялся с кресла:

– Ну, дорогая, я готов.

Марджори подала ему черную фетровую шляпу и распахнула дверь. Когда они вышли в контору, юноша, которого заметила, проходя, Джулия, обернулся и встал.

– Разрешите познакомить вас с мисс Лэмберт, – сказал Майкл. Затем добавил с видом посла, представляющего атташе царственной особе, при дворе которой он аккредитован: – Это тот джентльмен, который любезно согласился привести в порядок наши бухгалтерские книги.

Юноша залился ярким румянцем. На теплую улыбку Джулии, всегда бывшую у нее наготове, он ответил деревянной улыбкой. А сердечно пожав ему руку, она отметила, что ладонь его стала влажной от пота. Его смущение было трогательно. Так, верно, чувствовали себя те, кого представляли Саре Сиддонс[3 - Сиддонс, Сара (1755–1831) – знаменитая английская актриса.]. Джулия подумала, что не очень-то любезно ответила Майклу, когда он предложил позвать мальчика на ленч. Она посмотрела ему прямо в глаза своими огромными темно-карими лучистыми глазами. Без всякого усилия, так же инстинктивно, как отмахнулась бы от докучавшей ей мухи, она вложила в голос чуть ироничное, ласковое радушие:

– Может быть, вы не откажетесь поехать с нами перекусить? Майкл привезет вас обратно после ленча.

Юноша опять покраснел, кадык на его тонкой шее судорожно дернулся.

– Это очень любезно с вашей стороны. – Он встревоженно осмотрел свой костюм. – Но я невероятно грязен.

– Вы сможете умыться и почиститься, когда приедете к нам.

Машина ждала у служебного входа: длинный черный автомобиль с хромированными деталями, сиденья обтянуты посеребренной кожей, эмблема Майкла скромно украшает дверцы. Джулия села сзади.

– Садитесь со мной. Майкл поведет машину.

Они жили на Стэнхоуп-плейс. Когда они приехали, Джулия велела дворецкому показать юноше, где он может помыть руки. Сама она поднялась в гостиную. В то время как она красила губы, появился Майкл.

– Я сказал ему, чтобы он шел сюда, как только будет готов.

– Между прочим, как его зовут?

– Понятия не имею.

– Милый, надо же нам знать. Я попрошу его расписаться в книге для посетителей.

– Слишком много чести. – Майкл просил расписываться только самых почетных гостей. – Мы видим его здесь в первый и последний раз.

В этот момент молодой человек появился в дверях. В машине Джулия приложила все старания, чтобы успокоить его, но он, видно, все еще робел. Их уже ждал коктейль, Майкл разлил его по бокалам. Джулия вынула сигарету, и молодой человек зажег спичку, но рука его так сильно дрожала, что ей ни за что бы не удалось прикурить, поэтому она сжала ее своими пальцами.

«Бедный ягненочек, – подумала Джулия, – верно, сегодня самый знаменательный день в его жизни. Будет на седьмом небе от счастья, когда начнет рассказывать об этом. Он станет героем в своей конторе, и все от зависти лопнут».

Язык Джулии сильно разнился, когда она говорила сама с собой и с другими людьми. С собой она не стеснялась в выражениях. Джулия с наслаждением сделала первую затяжку. Право же, если подумать, разве не удивительно, что ленч с ней и получасовой разговор придаст человеку столько важности, сделает

его крупной персоной в его жалком кружке.

Юноша выдавил из себя фразу:

– Какая потрясающая комната.

Джулия одарила его очаровательной улыбкой, слегка приподняв свои прекрасные брови, что он, наверное, не раз видел на сцене.

– Я очень рада, что она вам нравится. – Голос у нее был низкий и чуть хрипловатый. По тону Джулии можно было подумать, что его слова сняли огромную тяжесть с ее души. – Мы в семье считаем, что у Майкла превосходный вкус.

Майкл самодовольно оглядел комнату.

– У меня такой богатый опыт. Я всегда сам придумываю интерьеры для наших пьес. Конечно, у нас есть человек для черновой работы, но идеи мои.

Они переехали в этот дом два года назад, и Майкл так же, как и Джулия, знал, что они отдали его в руки опытного декоратора, когда отправились в турне по провинции, и тот взялся полностью его подготовить к их приезду, причем бесплатно, за то, что они предоставят ему работу в театре, когда вернутся. Но к чему было сообщать эти скучные подробности человеку, даже имя которого было им неизвестно. Дом был отлично обставлен, в нем удачно сочетались антиквариат и модерн, и Майкл мог с полным правом сказать, что это, вне сомнения, дом джентльмена. Однако Джулия настояла на том, чтобы спальня была такой, как она хочет, и, поскольку ее абсолютно устраивала спальня в их старом доме в Риджентс-парке, где они жили с конца войны, перевезла ее сюда всю целиком. Кровать и туалетный столик были обтянуты розовым шелком, кушетка и кресло – светло-голубым, который так любил Натье[4 - Натье, Жан Марк (1685–1766) – французский портретист.]; над кроватью порхали пухлые позолоченные херувимы, держащие лампу под розовым абажуром, такие же пухлые позолоченные херувимы окружали гирляндой трюмо. На столе атласного дерева стояли в богатых рамах фотографии с автографами: актеры, актрисы и члены королевской фамилии. Декоратор презрительно поднял брови, но это была единственная комната в доме, где Джулия чувствовала себя по-настоящему уютно. Она писала письма за бюро из атласного дерева, сидя на

позолоченном стуле.

Дворецкий объявил, что ленч подан, и они пошли вниз.

– Надеюсь, вы не останетесь голодны, – сказала Джулия. – У нас с Майклом очень плохой аппетит.

И действительно: на столе их ждали жареная камбала, котлеты со шпинатом и компот. Эта еда могла утолить законный голод, но не давала потолстеть. Кухарка, предупрежденная Марджори, что к ленчу будет еще один человек, приготовила на скорую руку жареный картофель. Он выглядел хрустящим и аппетитно пахнул. Но ел его только гость. Майкл уставился на блюдо с таким видом, словно не совсем понимал, что там лежит, затем, чуть заметно вздрогнув, очнулся от мрачной задумчивости и сказал: нет, благодарю. Они сидели за длинным и узким обеденным столом, Джулия и Майкл на торцовых концах, друг против друга, в величественных итальянских креслах, молодой человек – посредине, на не очень удобном, но гармонирующем с прочей мебелью стуле. Джулия заметила, что он посматривает на буфет, и наклонилась к нему с обаятельной улыбкой.

– Вам что-нибудь нужно?

Он покраснел.

– Нельзя ли мне ломтик хлеба?

– Конечно.

Джулия бросила на дворецкого выразительный взгляд – он в этот момент как раз наливал белое сухое вино в бокал Майкла, – и тот вышел из комнаты.

– Мы с Майклом не едим хлеба. Джевонс сглупил, не подумав, что вам он может понадобиться.

– Разумеется, есть хлеб – это только привычка, – сказал Майкл. – Поразительно, как легко от нее отучаешься, если твердо решишь.

– Бедный ягненочек, худой как щепка, Майкл.

– Я отказался от хлеба не потому, что боюсь потолстеть. Я не ем его, так как не вижу в этом смысла. При моем моционе я могу есть все, что хочу.

Для пятидесяти двух лет у Майкла была еще очень хорошая фигура. В молодости его густые каштановые волосы, чудесная кожа, большие синие глаза, прямой нос и маленькие уши завоевали ему славу первого красавца английской сцены. Только тонкие губы несколько портили его. Высокий – шести футов роста, – он отличался к тому же прекрасной осанкой. Столь поразительная внешность и побудила Майкла пойти на сцену, а не в армию – по стопам отца. Сейчас его каштановые волосы почти совсем поседели, и он стриг их куда короче, лицо стало шире, на нем появились морщины, кожа перестала напоминать персик, по щекам зазмеились красные жилки. Но благодаря великолепным глазам и стройной фигуре он все еще был достаточно красив. Проведя пять лет на войне, Майкл усвоил военную выправку, и, если бы вы не знали, кто он (что вряд ли было возможно, так как фотографии его по тому или другому поводу вечно появлялись в иллюстрированных газетах), вы бы приняли его за офицера высокого ранга. Он хвастал, что его вес сохранился таким, каким был в двадцать лет, и многие годы вставал в любую погоду в восемь часов утра, надевал шорты и свитер и бегал по Риджентс-парку.

– Секретарша сказала мне, что вы были на репетиции сегодня утром, мисс Лэмберт, – заметил юноша. – Вы собираетесь ставить новую пьесу?

– Отнюдь, – ответил Майкл. – Мы делаем полные сборы.

– Майкл решил, что мы немного разболтались, и назначил репетицию.

– И очень этому рад. Я обнаружил, что кое-где вкрались трюки, которых я не давал при постановке, и во многих местах актеры позволяют себе вольничать с текстом. Я очень педантичен в этих вопросах и считаю, что надо строго придерживаться авторского слова, хотя, видит Бог, то, что пишут авторы в наши дни, немногого стоит.

– Если вы хотите посмотреть эту пьесу, – любезно сказала Джулия, – я уверена, Майкл даст вам билет.

– Мне бы очень хотелось пойти еще раз, – горячо сказал юноша. – Я видел спектакль уже три раза.

– Неужели? – изумленно воскликнула Джулия, хотя она прекрасно помнила, что Майкл ей об этом говорил. – Конечно, пьеска эта не так плоха, она вполне отвечает своему назначению, но я не представляю, чтобы кому-нибудь захотелось трижды смотреть ее.

– Я не столько ради пьесы, сколько ради вашей игры.

«Все-таки я вытянула из него это», – подумала Джулия и добавила вслух:

– Когда мы читали пьесу, Майкл еще сомневался. Ему не очень понравилась моя роль. Вы знаете, по сути, это – не для ведущей актрисы. Но я решила, что сумею кое-что из нее сделать. Понятно, на репетициях вторую женскую роль пришлось сильно сократить.

– Я не хочу сказать, что мы заново переписали пьесу, – добавил Майкл, – но, поверьте, то, что вы видите сейчас на сцене, сильно отличается от того, что предложил нам автор.

– Вы играете просто изумительно, – сказал юноша. («А в нем есть свой шарм».)

– Рада, что я вам понравилась, – ответила Джулия.

– Если вы будете очень любезны с Джулией, она, возможно, подарит вам на прощание свою фотографию.

– Правда? Подарите?

Он снова вспыхнул, его голубые глаза засияли. («А он и впрямь очень-очень мил».) Красивым юношу, пожалуй, назвать было нельзя, но у него было открытое прямодушное лицо, а застенчивость казалась даже привлекательной. Волнистые светло-каштановые волосы были тщательно приглажены, и Джулия подумала, насколько больше бы ему пошло, если бы он не пользовался бриллиантином. У него был свежий цвет лица, хорошая кожа и мелкие красивые зубы. Джулия заметила с одобрением, что костюм сидит на нем хорошо и он умеет его носить.

Юноша выглядел чистеньким и славным.

– Вам, верно, раньше не приходилось бывать за кулисами? – спросила она.

– Никогда. Вот почему мне до смерти хотелось получить эту работу. Вы даже не представляете, что это для меня значит!

Майкл и Джулия благожелательно ему улыбнулись. Под его восхищенными взорами они росли в собственных глазах.

– Я никогда не разрешаю посторонним присутствовать на репетиции, но, поскольку вы теперь наш бухгалтер, вы вроде бы входите в труппу, и я не прочь сделать для вас исключение, если вам захочется прийти, – сказал Майкл.

– Это чрезвычайно любезно с вашей стороны. Я еще ни разу в жизни не был на репетиции. А вы будете играть в новой пьесе, мистер Госселин?

– Нет, не думаю. Я теперь не очень-то стремлюсь играть. Почти невозможно найти роль на мое амплуа. Понимаете, в моем возрасте уже не станешь играть любовников, а авторы перестали писать роли, которые в моей юности были в каждой пьесе. То, что французы называют «резонер». Ну, вы знаете, что я имею в виду – герцог, или министр, или известный королевский адвокат, которые говорят остроумные вещи и обводят всех вокруг пальца. Не понимаю, что случилось с авторами. Похоже, они вообще разучились писать. От нас ожидают, что мы построим здание, но где кирпичи? И вы думаете, они нам благодарны? Авторы, я хочу сказать. Вы бы поразились, если бы услышали, какие условия у них хватает наглости ставить!

– Однако факт остается фактом: нам без них не обойтись, – улыбнулась Джулия. – Если пьеса плоха, ее никакая игра не спасет.

– Все дело в том, что и публика перестала по-настоящему интересоваться театром. В великие дни расцвета английской сцены люди не ходили смотреть пьесы, они ходили смотреть актеров. Не важно, что играли Кембл[5 - Кембл, Джон (1757–1823) – английский актер.] или миссис Сиддонс. Публика шла, чтобы смотреть на их игру. И хотя я не отрицаю, если пьеса плоха, мы горим. Все же, когда она хороша, даже теперь зрители приходят смотреть актеров, а не пьесу.

– Я думаю, никто с этим не станет спорить, – сказала Джулия.

– Такой актрисе, как Джулия, нужно одно – произведение, где она может себя показать. Дайте ей его, и она сделает все остальное.

Джулия улыбнулась юноше очаровательной, но чуть-чуть извиняющейся улыбкой.

– Не надо принимать моего мужа слишком всерьез. Боюсь, там, где дело касается меня, он немного пристрастен.

– Если молодой человек что-нибудь в этом смыслит, он должен знать, что в области актерского искусства ты можешь все.

– Я просто остерегаюсь делать то, чего не могу. Отсюда и моя репутация.

Но тут Майкл взглянул на часы.

– Ну, юноша, нам следует ехать.

Молодой человек проглотил залпом то, что еще оставалось у него в чашке. Джулия поднялась из-за стола.

– Вы не забыли, что обещали мне фотографию?

– Думаю, у Майкла в кабинете найдется что-нибудь подходящее. Пойдемте, вместе выберем.

Джулия провела его в большую комнату позади столовой. Хотя предполагалось, что это будет кабинет Майкла – «Надо же человеку иметь место, где он может посидеть без помех и выкурить трубку», – использовали ее главным образом как гардеробную, когда у них бывали гости. Там стояло прекрасное бюро красного дерева, на нем фотографии Георга V и королевы Марии с их личными подписями. Над камином висела старая копия портрета Кембла в роли Гамлета кисти Лоренса[6 - Лоренс, Томас (1769–1830) – английский живописец.]. На столике лежала груда напечатанных на машинке пьес. По стенам шли книжные полки, закрытые снизу дверцами. Открыв дверцу, Джулия вынула пачку своих

последних фотографий. Протянула одну из них юноше:

– Эта, кажется, не так плоха.

– Очаровательна.

– Значит, я здесь не настолько похожа, как думала.

– Очень похожи. В точности как в жизни.

На этот раз улыбка ее была иной, чуть лукавой; Джулия опустила на миг ресницы, затем, подняв их, поглядела на юношу с тем мягким выражением глаз, которое поклонники называли ее бархатным взглядом. Она не преследовала этим никакой цели, сделала это просто механически, из инстинктивного желания нравиться. Мальчик был так молод, так робок, казалось, у него такой милый характер, и она никогда больше его не увидит, ей не хотелось, так сказать, остаться в долгу, хотелось, чтобы он вспоминал об этой встрече, как об одном из великих моментов своей жизни. Джулия снова взглянула на фотографию. Неплохо бы на самом деле выглядеть так. Фотограф посадил ее, не без ее помощи, самым выгодным образом. Нос у нее был слегка толстоват, но благодаря искусному освещению это совсем не заметно; ни одна морщинка не портила гладкой кожи, от взгляда ее прекрасных глаз невольно таяло сердце.

– Хорошо. Получайте эту. Вы сами видите, я не красивая и даже не хорошенькая. Коклен[7 - Коклен, Бенцо Констан (1841–1909) – французский актер.] всегда говорил, что у меня beaute du diable[8 - Бесовская красота (фр.).]. Вы ведь понимаете по-французски?

– Для этого – достаточно.

– Я надпишу ее вам.

Джулия села за бюро и своим четким плавным почерком написала: «Искренне Ваша, Джулия Лэмберт».

Глава вторая

Когда мужчины ушли, Джулия снова пересмотрела фотографии перед тем, как положить их на место.

«Неплохо для сорока шести лет, – улыбнулась она. – Я тут похожа, не приходится спорить. – Она оглянулась в поисках зеркала, но не нашла. – Чертовы декораторы. Бедный Майкл. Чего удивляться, что он редко здесь сидит. Конечно, я никогда не была особенно фотогенична».

У Джулии вдруг возникло желание взглянуть на старые снимки. Майкл был человек деловой и аккуратный. Все ее фотографии хранились в больших картонных коробках, в хронологическом порядке. Его собственные, также датированные, были в других коробках в том же шкафу.

– Когда кто-нибудь захочет написать историю нашей карьеры, весь материал будет под рукой, – говорил он.

С тем же похвальным намерением он с самого первого дня на сцене наклеивал все газетные вырезки в большие конторские книги, и их накопилась уже целая полка.

Там были детские карточки Джулии и снимки, сделанные в ранней юности; Джулия в первых своих ролях, Джулия – молодая замужняя женщина с Майклом, а затем с Роджером, тогда еще младенцем. Одна их фотография – Майкл, мужественный и неправдоподобно красивый, она сама, воплощенная нежность, и Роджер, маленький кудрявый мальчик, – имела колоссальный успех. Все иллюстрированные газеты отдали ей по целой странице; ее печатали на программках. Уменьшенная до размеров художественной открытки, она в течение многих лет продавалась в провинции. Так досадно, что, поступив в Итон, Роджер наотрез отказался фотографироваться вместе с матерью. Удивительно – не хотеть попасть в газеты!

– Люди подумают, что ты – урод или еще что-нибудь, – сказала она. – В этом нет ничего зазорного. Пойди на премьеру, посмотри, как все эти дамы и господа из общества толпятся вокруг фотографов, все эти министры, судьи и прочие. Они делают вид, будто им это ни к чему, но надо видеть, какие позы они принимают,

когда им кажется, что фотограф нацелил на них объектив.

Однако Роджер стоял на своем.

На глаза Джулии попалась ее фотография в роли Беатриче. Единственная шекспировская роль в ее жизни. Джулия знала, что плохо выглядит в костюмах той эпохи, хотя никогда не могла понять почему: никто лучше нее не умел носить современное платье. Она все шила себе в Париже – и для сцены, и для личного обихода; портнихи говорили, что ни от кого не получают столько заказов. Фигура у нее прелестная, все это признают: длинные ноги и, для женщины, довольно высокий рост. Жаль, что ей не выпало случая сыграть Розалинду, ей бы очень пошел мужской костюм. Разумеется, теперь уже поздно, а может, и хорошо, что она не стала рисковать. Хотя при ее блеске, ее лукавом кокетстве и чувстве юмора она, наверное, была бы идеальна в этой роли. Критикам не очень понравилась ее Беатриче. Все дело в этом проклятом белом стихе. Ее голос, низкий, глубокий, грудной голос с такой эффектной хрипотцой, от которой в чувствительном пассаже у вас сжималось сердце, а смешные строки казались еще смешнее, совершенно не годился для белого стиха. Опять же ее артикуляция: она всегда была настолько четка, что Джулии не приходилось нажимать, и так каждое слово слышно в последних рядах галерки; говорили, что из-за этого стихи звучат у нее как проза. Все дело в том, думала Джулия, что она слишком современна.

Майкл начал с Шекспира. Это было еще до их знакомства. Он играл Ромео в Кембридже, и после того как, окончив университет, провел год в драматической школе, его ангажировал Бенсон[9 - Бенсон, Франк Роберт (1858–1939) – английский актер и режиссер, посвятивший себя постановке шекспировских пьес, организатор ежегодных фестивалей на родине Шекспира – в Стратфорде-на-Эйвоне.]. Майкл гастролировал по провинции и играл самые разные роли. Он скоро понял, что с Шекспиром далеко не уедешь, и если он хочет стать ведущим актером, ему надо научиться играть в современных пьесах. В Миддлпуле был театр с постоянной труппой и постоянным репертуаром, привлекавший к себе большое внимание; им заведовал некий Джеймс Лэнгтон. Проработав в труппе Бенсона три года, Майкл написал Лэнгтону, когда они собирались в очередную поездку в Миддлпул, и спросил, нельзя ли с ним повидаться. Джимми Лэнгтон, толстый, лысый, краснощекий мужчина сорока пяти лет, похожий на одного из зажиточных бюргеров Рубенса, обожал театр. Он был эксцентричен, самонадеян, полон кипучей энергии, тщеславен и неотразим. Он любил играть, но его внешние данные годились для очень немногих ролей, и слава Богу, так как

актер он был плохой. Он не мог умерить присущую ему экспансивность, и, хотя внимательно изучал и обдумывал свою роль, все они превращались в гротеск. Он утрировал каждый жест, чрезмерно подчеркивал каждое слово. Но когда он вел репетицию с труппой – иное дело, тогда он не переносил никакой наигранности. Ухо у Джимми было идеальное, хотя сам он и слова не мог произнести в нужной тональности, сразу замечал, если фальшивил кто-то другой.

– Не будьте естественны, – говорил он актерам. – На сцене не место этому. Здесь все – притворство. Но извольте казаться естественными.

Джимми выжимал из актеров все соки. Утром, с десяти до двух, шли репетиции, затем он отпускал их домой учить роли и отдохнуть перед вечерним спектаклем. Он распекал их, он кричал на них, он насмехался над ними. Он недостаточно им платил. Но если они хорошо исполняли трогательную сцену, он плакал как ребенок, и когда смешную фразу произносили так, как ему хотелось, он хватался за бока. Если он был доволен, он прыгал по сцене на одной ножке, а когда сердился, кидал пьесу на пол и топтал ее, а по его щекам катились гневные слезы. Труппа смеялась над Джимми, ругала его и делала все, чтобы ему угодить. Он возбуждал в них покровительственный инстинкт, все они, до одного, чувствовали, что просто не могут его подвести. Они говорили, что он дерет с них три шкуры, у них и минутки нет свободной, такой жизни даже скотина не выдержит, и при этом им доставляло какое-то особое удовольствие выполнять его непомерные требования. Когда он с чувством пожимал руку старого актера, получающего семь фунтов в неделю, и говорил: «Клянусь Богом, старина, ты был просто сногсшибателен», – старик чувствовал себя Чарлзом Кином[10 - Кин, Чарлз Джефри (1811–1868) – известный английский актер.].

Случилось так, что когда Майкл приехал в Миддлпул на встречу, о которой просил в письме, Джимми Лэнгтону как раз требовался актер на амплуа первого любовника. Он догадался, по какому поводу Майкл хочет его видеть, и пошел накануне в театр посмотреть на его игру. Майкл выступал в роли Меркуцио и не очень ему понравился, но когда тот вошел к нему в кабинет, Джимми был поражен его красотой. В коричневом сюртуке и серых брюках из легкой шерсти он, даже без грима, был так хорош, что прямо дух захватывало. У него были непринужденные манеры, и говорил он как джентльмен. Пока Майкл излагал цель своего визита, Джимми внимательно за ним наблюдал. Если он хоть как-то может играть, с такой внешностью этот молодой человек далеко пойдет.

– Я видел вашего Меркуцио вчера, – сказал он. – Что вы сами о нем думаете?

– Отвратительный.

– Согласен. Сколько вам лет?

– Двадцать пять.

– Вам, наверное, говорили, что вы красивы?

– Потому-то я и пошел на сцену, а не в армию, как отец.

– Черт побери, мне бы вашу внешность, какой бы я был актер!

Кончилась встреча тем, что Майкл подписал контракт. Он пробыл у Джимми Лэнгтона два года. Вскоре он сделался любимцем труппы. Он был добродушен и отзывчив, не жалел труда, чтобы оказать услугу. Его красота произвела сенсацию в Миддлпуле, и у служебного входа вечно торчала куча девиц, поджидавших, когда он выйдет. Они писали ему любовные письма и посылали цветы. Майкл принимал их поклонение как должное, но не позволял вскружить себе голову. Он стремился к успеху и твердо решил, что не свяжет себя ничем, что может этому помешать. Джимми Лэнгтон скоро пришел к заключению, что, несмотря на настойчивость Майкла и горячее желание преуспеть, из него никогда не получится хороший актер. Спасала Майкла только красота. Голос у него был тонковат и в особо патетические моменты звучал чуть пронзительно. Это скорее было похоже на истерику, чем на бурную страсть. Но самым большим его недостатком в качестве героя-любовника было то, что он не умел изображать любовь. Он свободно вел обычный диалог, умел донести «соль» произносимых им строк, но, когда доходило до признания в любви, что-то его сковывало. Он смущался, и это было видно.

– Черт вас подери, не держите девушку так, словно это мешок с картофелем! – кричал на него Джимми Лэнгтон. – Вы целуете ее с таким видом, будто боитесь заразиться простудой! Вы влюблены в нее. Вам должно казаться, будто вы таете как воск и если через секунду будет землетрясение и земля вас поглотит, черт с ним, с этим землетрясением!

Но все было напрасно. Несмотря на свою красоту, изящество и непринужденные манеры, Майкл оставался холодным любовником. Это не помешало Джулии

страстно им увлечься. Произошло это сразу же, как только Майкл присоединился к их труппе.

У самой Джулии все шло без сучка без задоринки. Родилась Джулия на Джерси, где ее отец, уроженец этого острова, практиковал в качестве ветеринара. Сестра ее матери вышла замуж за француза, торговца углем, который жил в Сен-Мало, и Джулию отправили к ней учиться в местном лицее. По-французски она говорила как настоящая француженка. Она была прирожденная актриса, и, сколько себя помнила, ни у кого не вызывало сомнений, что она пойдет на сцену. Ее тетушка, мадам Фаллу, была «en relations»[11 - «В добрых отношениях» (фр.).] со старой актрисой, бывшей в молодости societaire[12 - Постоянный член труппы «Комеди Франсез»; здесь: актриса (фр.).] в Comedie Francai?e[13 - «Комеди Франсез» (фр.).]. Уйдя из театра, та переселилась в Сен-Мало и жила там на небольшую пенсию, которую назначил ей один из ее любовников, когда они наконец расстались после многих лет верного внебрачного сожительства. К тому времени, когда Джулии исполнилось двенадцать, эта актриса превратилась в толстую, громогласную и деятельную старуху шестидесяти лет с лишком, больше всего на свете любившую вкусно поесть. У нее был звонкий раскатистый смех и зычный, низкий, как у мужчины, голос. Она-то и давала Джулии первые уроки драматического искусства и научила всем приемам, которые сама в свое время узнала в Conserwatoire[14 - Высшее музыкальное и театральное училище (фр.).]. Она же рассказывала ей о Рейхенберг, выступавшей в амплуа инженю до семидесяти лет, о Саре Бернар[15 - Бернар, Сара (1844–1923) – знаменитая французская актриса.] и ее золотом горле, о величественном Муне-Сюлли[16 - Муне-Сюлли, Жан (1841–1916) – известный французский актер.] и великом Коклене. Она читала Джулии длинные отрывки из трагедий Корнеля и Расина так, как привыкла произносить их в Comedie Francai?e, и следила, чтобы та разучивала их подобным же образом. Девочка прелестно декламировала полные истомы и страсти монологи Федры, подчеркивая ритм александрийского стиха и выговаривая слова так аффектированно и вместе с тем так драматично. В свое время Жанна Тэбу, должно быть, играла в очень нарочитой манере, но она научила Джулию превосходной артикуляции, научила ходить и держаться на сцене, научила ее не бояться собственного голоса и отшлифовала ее интуитивное умение установить нужный ритм, которое впоследствии стало одним из самых больших ее достоинств.

– Не делай паузы, если в этом нет крайней необходимости, – гремела старая актриса, колотя кулаком по столу, – но уж если сделала, тяни ее, сколько сможешь.

Когда Джулии исполнилось шестнадцать и она пошла в Королевскую академию драматического искусства на Говер-стрит, она уже знала многое из того, чему там учили. Ей пришлось избавиться от некоторых приемов, которые выглядели старомодно, и приучиться к более разговорной манере исполнения. Но она занимала первые места на всех конкурсах, в которых участвовала, и, как только окончила школу, почти сразу получила благодаря своему превосходному французскому небольшую роль горничной в одном из лондонских театров. Какое-то время казалось, что ее знание французского языка обречет ее только на такие роли, где требуется иностранный акцент, так как следом за французской горничной она играла австрийскую официантку. Прошло два года, прежде чем ее открыл Джимми Лэнгтон. Джулия гастролировала по провинции с мелодрамой, хорошо принятой в Лондоне, в роли итальянки-авантюристки, чьи интриги в конце концов оказываются раскрытыми; она старалась, без особого успеха, изобразить сорокалетнюю женщину. Поскольку ведущая актриса, блондинка зрелого возраста, играла молодую девушку, все представление было лишено правдоподобия. Джимми дал сам себе короткий отпуск, который он проводил, посещая театр за театром, в разных городах. После окончания спектакля он пошел за кулисы познакомиться с Джулией. Джимми был достаточно известен в театральных кругах для того, чтобы его комплименты польстили ей, и когда он пригласил ее назавтра к ленчу, Джулия согласилась.

Не успели они сесть за столик, как он без обиняков приступил к делу:

– Я этой ночью и глаз не сомкнул, все думал о вас.

– Вот это сюрприз! И какие же у вас были мысли – честные или бесчестные?

Джимми пропустил мимо ушей легкомысленный ответ.

– Я участвую в этой игре уже двадцать пять лет. Я был мальчиком, вызывающим актеров на сцену, рабочим сцены, актером, режиссером, рекламным агентом, был даже критиком, черт побери. Я живу среди кулис с самого детства, с тех пор как вышел из школы, и то, чего я не знаю о театре, и знать не стоит. Я думаю, что вы – огромный талант.

– Очень мило с вашей стороны.

– Заткнитесь. Говорить предоставьте мне. У вас идеальные данные. Подходящий рост, подходящая фигура, каучуковое лицо…

– Очень лестно.

– Еще как. Такое лицо и нужно актрисе. Лицо, которое может быть любым, даже прекрасным, лицо, на котором отражается каждая мысль, проносящаяся в уме. Такое лицо было у Дузе[17 - Дузе, Элеонора (1859–1924) – итальянская актриса.]. Вчера вечером, хотя вы по-настоящему и не думали о том, что делали, время от времени слова, которые вы произносили, были просто написаны у вас на лице.

– Это ужасная роль. Там и думать-то не о чем. Вы слышали, какую ерунду я должна пороть?

– Ужасными бывают только актеры, а не роли. У вас необыкновенный голос, голос, который может перевернуть всю душу. Как вы в комических ролях – я не знаю, но готов рискнуть.

– Что вы этим хотите сказать?

– Ваше чувство ритма почти безупречно. Этому нельзя научить, должно быть, оно у вас от природы. И это куда лучше. Перехожу к сути дела. Я навел о вас справки. Вы в совершенстве говорите по-французски, поэтому вам дают роли, где нужен ломаный английский язык. На этом, знаете, далеко не уедешь.

– Это все, что я могу получить.

– Вас удовлетворит всю жизнь изображать такие персонажи? Вы застрянете на них, и публика не станет принимать вас ни в каком другом амплуа. Вы всегда будете на второстепенных ролях. Самое большое – двадцать фунтов в неделю и гибель большого таланта.

– Я всегда думала, что наступит день, и я получу настоящую роль.

– Когда? Вы можете прождать десять лет. Сколько вам сейчас?

– Двадцать.

– Сколько вы получаете?

– Пятнадцать фунтов в неделю.

– Неправда. Вы получаете двенадцать, и это куда больше того, что вы сейчас стоите. Вам еще всему надо учиться. Ваши жесты банальны. Вы даже не догадываетесь, что каждый жест должен что-то означать. Вы не умеете заставить публику смотреть на вас до того, как вы заговорите. Вы слишком грубо накладываете грим. С таким лицом, как у вас, чем меньше грима, тем лучше. Вы хотите стать звездой?

– Кто же не хочет?

– Переходите ко мне, и я сделаю вас величайшей актрисой Англии. Вы быстро запоминаете текст? Наверное, да, в вашем возрасте…

– Думаю, могу слово в слово запомнить любую роль через двое суток.

– Вам нужен опыт, и я – для того чтобы вас сделать. Переходите ко мне, и вы будете иметь двадцать ролей в год. Ибсен, Шоу, Баркер, Зудерман, Хэнкин, Голсуорси. В вас есть огромное обаяние, но, судя по всему, вы еще не имеете ни малейшего представления, как им пользоваться. – Джимми засмеялся коротким смешком. – А если бы имели, эта старая карга в два счета выжила бы вас из труппы. Вы должны брать публику за горло и говорить: «Эй вы, собаки, глядите-ка на меня». Вы должны властвовать над ней. Если у человека нет таланта, никто ему его не даст, но если талант есть, можно научить им пользоваться. Говорю вам, у вас есть все задатки великой актрисы. Я еще никогда в жизни ни в чем не был так уверен.

– Я знаю, что мне не хватает опыта. Конечно, мне надо подумать о вашем предложении. Я бы не прочь перейти к вам на один сезон.

– Идите к черту. Вы воображаете, я смогу за один сезон сделать из вас актрису? Стану тянуть из себя жилы, чтобы вы дали несколько приличных представлений, а потом уехали в Лондон играть какую-нибудь ничтожную роль в коммерческой пьесе? За какого же кретина вы меня принимаете! Я подпишу с вами контракт на три года, я буду платить вам восемь фунтов в неделю, и работать вам

придется как лошади.

– О восьми фунтах в неделю не может быть и речи. Это смешно. Такого предложения я принять не могу.

– Прекрасно можете. Это все, чего вы сейчас стоите, и все, что вы будете получать.

Джулия пробыла в театре три года и успела к этому времени многое узнать. К тому же Жанна Тэбу, не отличавшаяся строгой моралью, поделилась с ней массой полезных сведений.

– А не рассчитываете ли вы, случайно, что за эти же деньги я стану спать с вами?

– О Господи, неужели вы думаете, у меня есть время крутить романы с актрисами моей труппы? У меня куча куда более важных дел, детка. И вы увидите, что после четырех часов репетиций, не говоря уж об утренних представлениях, да после того, как вы сыграете вечером в спектакле так, что я буду вами доволен, у вас тоже не будет ни времени, ни желания заниматься любовью. Когда вы ляжете наконец в постель, вам одного захочется – спать.

Но тут Джимми Лэнгтон ошибся.

Глава третья

Джулия, захваченная энтузиазмом и фантастической энергией Лэнгтона, приняла предложение. Джимми начал с ней со скромных ролей, которые под его руководством она играла так, как никогда раньше. Он заинтересовал ею критиков, польстил им, сделав вид, будто это они открыли новый необыкновенный талант, и, незаметно для них самих, выудил предложение показать ее публике в роли Магды[18 - Героиня драмы Германа Зудермана (1857–1928) «Родина».]. Джулия имела колоссальный успех, и тогда Джимми дал ей одну за другой Нору в «Кукольном доме»[19 - Драма Г. Ибсена.], Энн в «Человеке и сверхчеловеке»[20 - Пьеса Б. Шоу.] и Гедду Габлер[21 - Героиня

одноименной драмы Г. Ибсена.]. Миддлпульцы были в восторге, обнаружив в своем театре актрису, которая могла затмить любую лондонскую звезду, и, чтобы увидеть ее, ломились на такие спектакли, на которые раньше ходили только из местного патриотизма. О Джулии стали упоминать в столичных газетах, и многие восторженные ценители драмы специально приезжали в Миддлпул на нее посмотреть. Они возвращались, превознося ее до небес, и два или три лондонских антрепренера послали своих представителей, чтобы они дали о ней свой отзыв. Те колебались. В драмах Шоу и Ибсена она была хороша, а какой она окажется в обычной пьесе? У антрепренеров уже был печальный опыт. Прельстившись выдающейся игрой какого-нибудь актера в одной из этих чудных пьес, они подчас заключали с ним контракт, а потом обнаруживалось, что во всех остальных пьесах он играет ничуть не лучше других.

Когда Майкл присоединился к их труппе, Джулия играла в Миддлпуле уже целый год. Джимми выпустил его в роли Марчбенкса в «Кандиде»[22 - Пьеса Б. Шоу.]. Это оказался правильный выбор, как того и следовало ожидать, ибо в этой роли красота Майкла была большим преимуществом, а отсутствие темперамента не являлось недостатком.

…Джулия протянула руку и взяла первую из картонных коробок, в которых лежали фотографии Майкла. С удобством расположившись на полу, она быстро просматривала его ранние фотографии в поисках той, которая была сделана, когда он впервые приехал в Миддлпул. Когда она наконец нашла снимок, сердце ее вдруг сжалось от острой боли. Несколько секунд Джулия боролась со слезами. Такой он тогда и был. Кандиду играла немолодая актриса, обычно выступавшая в характерных ролях или в ролях матерей и старых тетушек, и Джулия, которая была занята только по вечерам, посещала все репетиции. Она влюбилась в Майкла с первого взгляда. Джулия никогда в жизни не видела такого красавца и стала упорно добиваться его. Выждав время, Джимми поставил «Привидения»[23 - Драма Г. Ибсена.], с риском навлечь на себя гнев респектабельного Миддлпула. Майкл играл в нем юношу, Джулия – Регину. Они читали друг другу свои роли, а после репетиции вместе перекусывали – очень скромно, – чтобы их обсудить. Вскоре они стали неразлучны. Джулия не могла совладать с собой и безудержно льстила Майклу. Он не был тщеславен: зная, что красив, он выслушивал комплименты по этому поводу не то чтобы безразлично, но так, словно речь шла о прекрасном старом доме, который переходил в их семье из поколения в поколение. Было известно, что это один из лучших образчиков архитектуры своей эпохи, им гордились, о нем заботились, но в том, что он существовал, не было ничего особенного, владеть им казалось так же естественно, как дышать. Майкл был неглуп и честолюбив; он знал, что

красота – пока его главный козырь, но знал также, что она недолговечна, и твердо решил стать хорошим актером, чтобы в дальнейшем опираться на кое-что еще, кроме внешних данных. Он намеревался научиться у Джимми Лэнгтона всему, чему можно, а затем уехать в Лондон.

– Если я хорошо использую обстоятельства, может быть, я найду какую-нибудь старуху, которая субсидирует меня и поможет открыть собственный театр. Это единственный способ сколотить состояние.

Джулия скоро обнаружила, что Майкл не очень-то любит тратиться, и, когда они завтракали или отправлялись по воскресеньям на небольшую прогулку, не забывала вносить свою долю в их расходы. Джулия ничего не имела против этого. Ей нравилось, что он считает пенни, и, будучи сама склонна сорить деньгами, вечно запаздывая на неделю, а то и на две с квартирной платой, она восхищалась тем, что он терпеть не может влезать в долги и даже при своем скудном жалованье умудряется регулярно кое-что откладывать. Майкл хотел скопить достаточную сумму к тому времени, как переберется в Лондон, чтобы иметь возможность не хвататься за первую предложенную роль, а подождать, пока подвернется что-нибудь стоящее. Родители его жили на небольшую пенсию и должны были лишить себя самого необходимого, чтобы послать его в Кембридж. Однако отец, которому не очень-то нравилось намерение Майкла идти на сцену, был тверд.

– Если ты решил стать актером, я, по-видимому, не смогу тебе помешать, – сказал он, – но, черт подери, я настаиваю, чтобы ты получил образование, приличествующее джентльмену.

Джулия с удовлетворением узнала, что отец Майкла был полковник в отставке, на нее произвел большое впечатление рассказ об их предке, проигравшем при регентстве в карты все свое состояние, ей нравилось кольцо с печаткой, которое носил Майкл, где была выгравирована кабанья голова и девиз: «Nemo me impune lacessit».

– Мне кажется, ты больше гордишься своей семьей, чем тем, что похож на греческого бога, – нежно говорила она ему.

– Кто угодно может быть красив, – отвечал он со своей привлекательной улыбкой, – но не всякий может похвалиться добропорядочной семьей. Сказать по

правде, я рад, что мой отец – джентльмен.

Джулия собралась с духом и сказала:

– А мой – ветеринар.

На секунду лицо Майкла окаменело, но он тут же справился с собой и рассмеялся.

– Конечно, это не имеет особого значения, кто у тебя отец. Я часто слышал, как мой отец вспоминал о полковом ветеринаре. Он был у них на равных с офицерами. Отец всегда говорил, что он был один из лучших людей в полку.

Джулия была рада, что Майкл окончил Кембридж. Он был в гребной команде своего колледжа, и одно время поговаривали о том, чтобы включить его в университетскую сборную.

– Я, понятно, очень этого хотел. Это бы так пригодилось в дальнейшем. Можно было бы прекрасно использовать для рекламы.

Джулия не могла сказать, знает он, что она в него влюблена, или нет. Сам он никогда никаких авансов не делал. Ему нравилось ее общество, и, когда они оказывались в компании, он почти не отходил от нее. Иногда их приглашали в воскресенье в гости, на обед или на роскошный холодный ужин, и ему казалось вполне естественным, что они идут туда вместе и вместе уходят. Он целовал ее, прощаясь у двери, но так, как мог бы целовать пожилую актрису, с которой играл в «Кандиде». Майкл был сердечен, добродушен, ласков, но, как ей это ни было больно, Джулия не могла не видеть, что она для него всего лишь товарищ. Однако знала она и то, что ни в кого другого он тоже не влюблен. Любовные письма, которые ему писали, он со смехом читал ей вслух, а когда женщины присылали ему цветы, тут же отдавал их Джулии.

– Вот идиотки, – говорил он. – Какого черта они хотят этим достичь?

– Мне кажется, об этом нетрудно догадаться, – сухо отвечала Джулия. Хотя ей было известно, что он ни во что не ставит эти знаки внимания, она все равно злилась и ревновала.

– Я был бы последним дураком, если бы связался с кем-нибудь здесь, в Миддлпуле. В большинстве это все желторотые девчонки. Не успею я и глазом моргнуть, как на меня накинется разгневанный родитель и скажет: а не хотите ли вы под венец?

Джулия пыталась узнать, не было ли у него интрижки, когда он играл в труппе Бенсона. Она постепенно выяснила, что некоторые из молодых актрис были склонны ему докучать, но он считал, что связываться с женщинами из своей труппы – страшная ошибка. Это никогда не доводит до добра.

– Ты же знаешь, какие актеры сплетники! Всем все будет известно через двадцать четыре часа. И когда начнешь что-нибудь в этом роде, никогда не скажешь заранее, чем все кончится. Нет, я не собирался рисковать.

Когда Майклу хотелось поразвлечься, он ждал, пока они не окажутся неподалеку от Лондона, мчался туда и подцеплял девчонку в ресторане «Глобус». Конечно, это было дорого и, по сути дела, не стоило затраченных денег; к тому же у Бенсона он много играл в крикет и, если представлялась возможность, в гольф, а всякие такие вещи вредны для глаз.

Джулия выдала ему наглую ложь:

– Джимми говорит, я куда лучше играла бы, если бы завела роман.

– Не верь ему. Он просто грязный старикашка. С кем? Наверное, с ним? Все равно что сказать, будто я лучше сыграл бы Марчбенкса, если бы писал стихи.

Они столько разговаривали друг с другом, что рано или поздно она должна была выяснить его взгляды на брак.

– Я думаю, актер просто дурак, если он женится молодым. Я знаю кучу примеров, когда это совершенно загубило человеку карьеру. Особенно если он женится на актрисе. Он делается звездой, и тогда она камнем висит у него на шее. Она хочет играть с ним, и, если у него своя труппа, он вынужден отдавать ей первые роли, а пригласи он кого-нибудь другого, она станет устраивать ему ужасные сцены. Всегда есть опасность, что у нее родится ребенок, и ей придется отказаться от превосходной роли. Она на много месяцев исчезнет с глаз публики, а ты сама знаешь, что такое публика – с глаз долой, из сердца вон. Если

она не видит тебя каждый день, она вообще забывает о твоем существовании.

Замужество! Что ей было замужество? Сердце таяло у нее в груди, когда она смотрела в его глубокие ласковые глаза, она трепетала от мучительного восторга, когда любовалась его блестящими каштановыми кудрями. Что бы она ему ни отдала, если бы он попросил! Но мысль об этом ни разу не закралась в его красивую голову.

«Конечно, я ему нравлюсь, – сказала себе Джулия. – Нравлюсь больше, чем кто-либо другой, он даже восхищается мной, но я не привлекаю его как женщина». Джулия сделала все, чтобы его соблазнить, разве что не легла к нему в постель, и то лишь по одной причине – не представлялось удобного случая. Она стала опасаться, что они чересчур хорошо узнали друг друга, вряд ли их отношения смогут теперь принять другой характер, и горько упрекала себя за то, что не довела дела до конца, когда они только познакомились. Майкл слишком искренне сейчас к ней привязан, чтобы стать ее любовником. Джулия разузнала, когда у него день рождения, и подарила ему золотой портсигар – вещь, которую ему хотелось иметь больше всего на свете. Он стоил куда дороже, чем она могла себе позволить, Майкл с улыбкой попенял ей за мотовство. Он и не догадывался, с каким экстатическим наслаждением тратила она на него деньги. Когда настал ее день рождения, Майкл преподнес ей полдюжины шелковых чулок. Джулия сразу увидела, что они неважного качества. Бедный ягненочек, ему трудно было заставить себя войти в большой расход, но она была очень тронута тем, что он вообще сделал ей подарок, и чуть не расплакалась.

– Ну и чувствительная ты, крошка, – сказал Майкл, однако он был умилен: ему польстили ее слезы.

Его бережливость казалась Джулии привлекательной чертой. Майкл просто не мог сорить деньгами. Он был не то чтобы скуп, просто расчетлив. Один или два раза в ресторане ей показалось, что он недостаточно дал на чай официанту, но когда она отважилась запротестовать, он и ухом не повел. Он давал ровно десять процентов и, если у него не было мелочи и он не мог дать точной суммы, спрашивал сдачу.

«В долг не бери и взаймы не давай», – цитировал он Полония.

Когда кто-либо из членов труппы, оказавшись временно на мели, пытался занять у Майкла деньги, это было пустой затеей. Но отказывал он так бесхитростно, с такой сердечностью, что на него не обижались.

– Дружище, я был бы счастлив одолжить тебе пару монет, но я и сам в кулак свищу. Не представляю, как заплачу за жилье в конце недели.

В течение первых месяцев Майкл так был занят собственными ролями, что не имел возможности заметить, какая Джулия прекрасная актриса. Он, конечно, читал отзывы в газетах, где полно было похвал по ее адресу, но читал бегло, пока не доходил до строк, посвященных лично ему. Он бывал доволен, когда его одобряли, и не расстраивался, когда его бранили. Майкл был слишком скромен, чтобы возмущаться нелестными отзывами.

– Наверное, я и вправду был ужасен, – говорил он.

Самой приятной чертой в характере Майкла было его добродушие. Он переносил все громы и молнии Джимми Лэнгтона с полной невозмутимостью. Когда после долгой репетиции у остальных актеров начинали сдавать нервы, он оставался безмятежен. С ним было просто невозможно поссориться. Однажды Майкл сидел в зрительном зале и смотрел репетицию того акта, где сам он не играл. В конце была очень сильная и трогательная сцена, в которой Джулия имела возможность показать свой талант. Пока готовили декорации для следующего акта, Джулия прошла в зал и села рядом с Майклом. Он продолжал сидеть молча, сурово глядя прямо перед собой.

Джулия удивилась: не улыбнуться ей, не бросить дружеского слова – это было на него не похоже. И тут она увидела, что он стискивает зубы, чтобы они не стучали, и что глаза его полны слез.

– Что случилось, милый?

– Не заговаривай со мной. Маленькая чертовка, ты заставила меня плакать.

– Ангел!

На глаза Джулии тоже навернулись слезы и потекли по щекам. Она была так счастлива, так польщена!

– А, пропади оно все пропадом, – всхлипнул Майкл. – Ничего не могу с собой поделать.

Он вынул из кармана платок и вытер глаза. («Я люблю его, люблю, люблю!») Майкл высморкался.

– Стало немного лучше, но, клянусь Богом, ты меня потрясла.

– Неплохая сцена, правда?

– При чем тут сцена? Все дело в тебе. Ты перевернула мне всю душу. Критики правы, черт побери, ты – настоящая актриса, ничего не скажешь.

– И ты только сейчас это увидел?

– Я знал, что ты хорошо играешь, но и понятия не имел, что так хорошо. Мы все рядом с тобой ничто. Ты будешь звездой. Что бы ни стояло у тебя на пути.

– Тогда ты будешь моим партнером.

– Черта лысого это мне удастся у лондонских антрепренеров.

Джулию осенило:

– Значит, ты сам должен стать антрепренером и сделать меня исполнительницей главных ролей.

Майкл помолчал. Он был немного тугодум, и ему требовалось время, чтобы оценить по достоинству новую мысль.

– Знаешь, а это совсем неплохая идея.

За ленчем они обсудили ее поподробнее. Говорила в основном Джулия, Майкл слушал с глубоким интересом.

– Конечно, единственный способ постоянно иметь хорошие роли – это самому быть антрепренером труппы, – сказал он.

Все упиралось в деньги. Они прикинули, с чего можно начать. Майкл считал, что им надо минимум пять тысяч фунтов. Но как, скажите на милость, им раздобыть такую сумму? Конечно, некоторые из миддлпульских фабрикантов просто купаются в золоте, однако вряд ли можно ожидать, что они раскошелятся на пять тысяч фунтов, чтобы помочь двум молодым актерам, заслужившим только местную славу. К тому же они ревниво относились к Лондону.

– Придется тебе поискать богатую старуху, – весело сказала Джулия.

Она лишь наполовину верила всему, что говорила, но ей было приятно обсуждать проект, который еще больше сблизил бы ее с Майклом. Однако Майкл был вполне серьезен.

– Я не думаю, что в Лондоне можно добиться успеха, пока тебя как следует не узнают. Самое верное – года три-четыре поиграть в чужих труппах; нужно разведать все ходы и выходы. Это имеет еще одно преимущество – у нас будет время познакомиться с пьесами. Безумие – открывать свой театр, не имея в запасе по крайней мере трех пьес. Одна из них должна стать гвоздем сезона.

– Конечно, и нам надо непременно играть вместе, чтобы публика привыкла видеть наши имена на одной и той же афише.

– Не думаю, чтобы это имело особое значение. Главное – завоевать в Лондоне хорошую репутацию, тогда нам куда легче будет найти людей, которые финансируют наше предприятие.

Глава четвертая

Дело шло к Пасхе, а Джимми Лэнгтон всегда закрывал театр на страстную неделю. Джулия не представляла, куда ей себя девать; вряд ли стоило ехать на Джерси на такое короткое время. Однажды утром она неожиданно получила письмо от миссис Госселин, матери Майкла, где говорилось, что она доставит им с полковником большое удовольствие, если приедет на недельку вместе с Майклом к ним в Челтнем. Когда она показала письмо Майклу, он просиял.

– Я попросил ее тебя пригласить. Я думал, это будет приличнее, чем просто взять тебя с собой.

– Ты – душка. Конечно, я буду очень рада поехать.

Сердце Джулии трепетало от счастья. Что могло быть восхитительней, чем провести целую неделю вместе с Майклом! И это так на него похоже: прийти на выручку, когда ему стало известно, что она не знает, что бы ей предпринять. Но тут она увидела, что он чем-то обеспокоен.

– В чем дело?

Майкл смущенно рассмеялся:

– Понимаешь, дорогая, мой отец немного старомоден, есть вещи, которые ему уже трудно постигнуть. Конечно, я не хочу, чтобы ты лгала, но боюсь, ему покажется странным, что твой отец был ветеринар. Когда я спросил их в письме, могу ли я тебя привезти, я написал, что он был врач.

– Ну, это не имеет значения.

Джулия сразу увидела, что полковник далеко не так страшен, как она ожидала. Он был худой, невысокого роста, с морщинистым лицом и коротко подстриженными седыми волосами. В его чертах сквозило несколько подержанное благородство. Он вызывал в памяти профиль на монете, которая слишком долго находилась в обращении. Держался он любезно, но сдержанно. Он не был ни раздражителен, ни деспотичен, как боялась Джулия, знакомая с полковниками только по сцене. Она не представляла себе, как этим учтивым, довольно холодным голосом можно выкрикивать слова команды. По правде говоря, полковник Госселин вышел в отставку с почетным званием шефа полка после ничем не выдающейся службы и уже много лет довольствовался тем, что

копался у себя в саду и играл в бридж в клубе. Он читал «Таймс», по воскресеньям ходил в церковь и сопровождал жену на чаепития в гости. Миссис Госселин была высокая полная пожилая женщина, куда выше мужа; при взгляде на нее чудилось, будто она все время старается съежиться. В ее лице еще сохранились следы былой привлекательности, и можно было поверить, что в молодости она была настоящая красавица. Она носила волосы на прямой пробор и закручивала их узлом на затылке. Благодаря росту и классическим чертам лица миссис Госселин показалась Джулии при первой встрече весьма внушительной, но вскоре она обнаружила, что та на редкость застенчива. Движения ее были неловки и скованны, одета она была безвкусно, со старомодной роскошью, которая совсем ей не шла. Джулия, не смущавшаяся ни при каких обстоятельствах, нашла конфузливость этой немолодой уже женщины трогательной. Миссис Госселин никогда не приходилось встречаться с актрисой, и она не знала, как себя держать в этом затруднительном положении. Дом отнюдь не был великолепным – небольшой оштукатуренный особнячок в саду с живой изгородью из лавровых кустов. Поскольку Госселины несколько лет провели в Индии, в комнатах стояли большие медные подносы и вазы, на замысловатых резных столиках лежали индийские вышивки. Все это была дешевка, которую там продают на базарах, и приходилось только удивляться, что кто-то счел нужным везти все это домой, в Англию.

Джулия была далеко не глупа. Ей не понадобилось много времени, чтобы увидеть, что полковник, при всей его сдержанности, и миссис Госселин, при всей ее робости, критически изучают и оценивают ее. У нее мелькнула мысль, что Майкл привез ее родителям на смотрины. Зачем? Ответ мог быть только один, и когда он пришел Джулии в голову, сердце подскочило у нее в груди. Она видела: ему очень хочется, чтобы она произвела хорошее впечатление. Джулия интуитивно поняла, что должна скрыть в себе актрису, и без всякого усилия, без сознательного намерения, просто потому, что чувствовала – это должно понравиться, стала играть роль простой, скромной, простодушной девушки, всю жизнь спокойно жившей на лоне природы. Она гуляла с полковником по саду и, затаив дыхание, слушала разглагольствования о горохе и спарже; она помогала миссис Госселин поливать цветы и стирала пыль с бесчисленных безделушек, которыми была забита гостиная. Она говорила с ней о Майкле. Рассказывала, как талантливо он играет, какой пользуется популярностью, восхищалась его красотой. Джулия видела: миссис Госселин очень им гордится, и внутренний голос ей подсказал, что той понравится, если она покажет, конечно, чрезвычайно тактично, словно предпочла бы держать это в тайне и лишь нечаянно выдала себя, как она, Джулия, прямо по уши влюблена в ее сына.

– Разумеется, мы надеемся, что он добьется успеха, – сказала миссис Госселин. – Мы не очень-то были рады, когда он задумал идти на сцену; мы по обеим линиям потомственные военные, но он ни о чем другом и слышать не хотел.

– Да, конечно, я понимаю, о чем вы говорите.

– Я знаю, сейчас все иначе, чем в дни моей молодости, но ведь он все же настоящий джентльмен.

– О, теперь, знаете, на сцену идут самые порядочные люди. Теперь не то, что в старые времена.

– Вероятно, да. Я так рада, что он привез вас к нам. Я немного волновалась. Я думала, вы будете накрашены и… возможно, несколько вульгарны. Ни одна живая душа не догадалась бы, что вы – актриса.

(«Еще бы, черт побери. Никто бы так не сыграл сельскую барышню, как я это делаю вот уже два дня».)

Полковник начал отпускать по ее адресу шуточки и даже иногда игриво дергал ее за ухо.

– Право, полковник, вы не должны со мной флиртовать! – восклицала она, кидая на него очаровательный плутовской взгляд. – Только потому, что я – актриса, вы думаете, можно позволить себе со мной вольности!

– Джордж, Джордж, – улыбалась миссис Госселин. Затем, обращаясь к Джулии, добавляла: – Он всегда был любитель поухаживать.

(«Черт возьми, все идет как по маслу!»)

Миссис Госселин рассказывала ей об Индии, о том, как странно было, что все слуги – темнокожие, но общество там было очень приличное, только правительственные чиновники и военные, однако дома все же лучше, и она была очень рада, когда приехала обратно в Англию.

Возвращаться они должны были в понедельник, на второй день Пасхи, потому что уже был назначен спектакль, и накануне вечером после ужина полковник сказал, что ему надо пойти в кабинет написать несколько писем; через несколько минут миссис Госселин тоже поднялась с места – пошла поговорить с кухаркой. Когда они остались одни, Майкл закурил, стоя у камина.

– Боюсь, здесь было не очень-то весело. Надеюсь, ты не слишком скучала?

– Здесь было божественно.

– Ты имела колоссальный успех у родителей. Ты им страшно понравилась.

«Господи, я достаточно потрудилась для этого», – подумала Джулия, но вслух она сказала:

– Откуда ты знаешь?

– Вижу. Отец говорит, ты – настоящая леди, ни капли не похожа на актрису, а мать утверждает, что ты очень благоразумна.

Джулия опустила глаза, словно похвалы эти были слишком преувеличены. Майкл пересек комнату и стал перед ней. У нее вдруг мелькнула мысль, что он сейчас похож на красивого молодого лакея, который просит взять его на службу. Он был непривычно взволнован. Сердце чуть не выскакивало у нее из груди.

– Джулия, дорогая, ты выйдешь за меня замуж?

Всю эту неделю она спрашивала себя, сделает ли он ей предложение, но теперь, когда это наконец свершилось, она почувствовала себя странно смущенной.

– Майкл!

– Я не хочу сказать: немедленно. Когда мы станем на ноги, продвинемся хотя бы на один шаг по пути к успеху. Я знаю, на сцене мне с тобой не тягаться, но вместе мы легче добьемся победы, а когда откроем собственный театр, из нас выйдет неплохая упряжка. Ты ведь знаешь, что ты мне ужасно нравишься. Я хочу сказать, ни одна девушка и в подметки тебе не годится.

(«Дурак несчастный! Ну чего он городит всю эту чепуху?! Неужели не понимает, что я до смерти хочу за него выйти? Почему он не целует меня? Ну почему? Почему? Хватит у меня духу сказать, что я просто больна от любви к нему!»)

– Майкл, ты так красив. Кто может тебе отказать?

– Дорогая!

(«Я лучше встану. Он не догадается сесть. Господи, сколько раз Джимми заставлял его репетировать эту сцену!»)

Джулия встала и подняла к нему лицо. Он заключил ее в объятия и поцеловал.

– Я должен сказать матери.

Он отстранился от Джулии и пошел к двери.

– Мама, мама!

Через секунду полковник и миссис Госселин вошли в комнату. На лицах было счастливое ожидание.

(«Черт подери, это все было подстроено!»)

– Мама, отец, мы обручились.

Миссис Госселин заплакала. Своей неловкой, тяжелой поступью подошла к Джулии, обняла ее и поцеловала сквозь слезы. Полковник горячо пожал сыну руку и, высвободив Джулию из объятий жены, тоже ее поцеловал. Он был глубоко растроган. Все эти изъявления чувств подействовали на Джулию, и, хотя она счастливо улыбалась, у нее по щекам заструились слезы. Майкл сочувственно наблюдал эту умилительную сцену.

– Как вы смотрите, не открыть ли нам бутылочку шампанского, чтобы отметить это событие? – спросил он. – Похоже, что мама и Джулия совсем расстроились.

– За дам, благослови их Господь, – сказал полковник, когда бокалы были наполнены.

Глава пятая

Теперь Джулия держала в руках фотографию, где она была снята в подвенечном платье.

«Господи, ну и пугало!»

Они решили сохранить помолвку в тайне, и Джулия сказала о ней только Джимми Лэнгтону, двум или трем девушкам в труппе и своей костюмерше. Она брала с них слово молчать и удивлялась, каким образом через двое суток все в театре обо всем знали. Джулия была на седьмом небе от счастья. Она любила Майкла еще более страстно, чем раньше, и с радостью выскочила бы за него немедля, но его благоразумие оказалось сильнее. Что они такое? Двое провинциальных актеров. Начинать завоевание Лондона в качестве соединенной узами брака пары значило ставить на карту возможность достичь успеха. Джулия намекнула так прозрачно, как смогла, яснее некуда, что вполне готова стать его любовницей, но на это он не пошел. Он был слишком порядочен, чтобы воспользоваться ее любовью.

– «Ты б не была мне так мила, не будь мне честь милее!»[24 - Из стихотворения Ричарда Лавлейса (1618–1658) «Лукасте, уходя на войну».] – процитировал он.

Майкл был уверен, что, когда они поженятся, они будут горько сожалеть, что стали жить как муж и жена еще до свадьбы. Джулия гордилась его принципами. Он был внимателен, ласков, нежен, но довольно скоро стал смотреть на нее как на что-то привычное, само собой разумеющееся; по его манере, дружеской, но немного небрежной, можно было подумать, будто они женаты уже много лет. Однако с присущей ему добротой он снисходительно и даже благосклонно принимал все знаки ее любви. Джулия обожала сидеть прижавшись к Майклу – его рука обнимает ее за талию, ее щека прижата к его щеке, – а уж если она могла приникнуть алчным ртом к его довольно-таки тонким губам, это было поистине райским блаженством. И хотя Майкл, когда они сидели вот так, предпочитал обсуждать роли, которые они играли, или планы на будущее, она

все равно была счастлива. Ей никогда не надоедало восхищаться его красотой. Было сладостно чувствовать, когда она говорила ему, какой точеный у него нос, как прекрасны его кудрявые каштановые волосы, что рука Майкла чуть крепче сжимает ей талию, видеть нежность в его глазах.

– Любимая, я стану тщеславен, как павлин.

– Но ведь просто глупо отрицать, что ты божественно хорош.

Джулия на самом деле так думала и говорила об этом, потому что это доставляло ей удовольствие, но не только потому – она знала, что и он с удовольствием слушает ее комплименты. Майкл относился к ней с нежностью и восхищением, ему было легко с ней, он ей доверял, но Джулия прекрасно знала, что он в нее не влюблен. Она утешала себя тем, что он любит ее так, как может, и думала, что, когда они поженятся, ее страсть пробудит в нем ответную страсть. А пока она призвала на помощь весь свой такт и проявляла максимальную сдержанность. Она знала, что не может позволить себе ему докучать. Знала, что не должна быть ему в тягость, что он никогда не должен чувствовать, будто обязан чем-то поступаться ради нее. Майкл мог оставить ее ради игры в гольф или завтрака со случайным знакомым – она никогда не показывала ему даже намеком, что ей это неприятно. И, подозревая, что ее сценический успех усиливает его чувство, Джулия трудилась как каторжная, чтобы хорошо играть.

На второй год их помолвки в Миддлпул приехал американский антрепренер, выискивавший новые таланты и прослышавший про труппу Джимми Лэнгтона. Он был очарован Майклом. Он послал ему за кулисы записку с приглашением зайти к нему в гостиницу на следующий день. Майкл, еле живой от волнения, показал записку Джулии; означать это могло только одно: ему хотят предложить ангажемент. У Джулии упало сердце, но она сделала вид, что она в таком же восторге, как он, и на следующий день пошла вместе с ним. Она осталась в холле, а Майкл отправился беседовать с великим человеком.

– Пожелай мне удачи, – шепнул он, подходя к кабине лифта. – Это слишком хорошо, чтобы можно было поверить.

Джулия сидела в кожаном кресле и всем сердцем желала, чтобы антрепренер предложил Майклу такую роль, которую он отвергнет, или жалованье, принять

которое Майкл сочтет ниже своего достоинства. Или, наоборот, попросит Майкла прочитать роль, на которую хочет его пригласить, и увидит, что она ему не по зубам. Но когда полчаса спустя Майкл спустился в холл, Джулия поняла по его сияющим глазам и легкой походке, что контракт заключен. На какой-то миг Джулии показалось, будто ей сейчас станет дурно, и, пытаясь выдавить на губах счастливую улыбку, она почувствовала, что мышцы не повинуются ей.

– Все в порядке. Он говорит, это чертовски хорошая роль – молодого парнишки, девятнадцати лет. Восемь или девять недель в Нью-Йорке, затем гастроли по стране. Сорок недель как одна в труппе Джона Дру[25 - Дру, Джон (1853–1927) – американский актер.]. Двести пятьдесят долларов в неделю.

– Любимый, я так за тебя рада!

Было ясно, что он ухватился за предложение обеими руками. Мысль о том, чтобы отказаться, даже не пришла ему в голову.

«А я… я, – думала она, – если бы мне посулили тысячу долларов в неделю, я бы не поехала, чтобы не разлучаться с ним».

Джулия была в отчаянии. Она ничем не сможет ему помешать. Надо притворяться, будто она на седьмом небе от счастья. Майкл был слишком возбужден, чтобы сидеть на месте, и они вышли на людную улицу.

– Это редкая удача. Конечно, в Америке все дорого, но я постараюсь тратить от силы пятьдесят долларов в неделю; говорят, американцы очень гостеприимны, и я смогу угощаться на даровщинку. Не вижу, почему бы мне не скопить за сорок недель восемь тысяч долларов, а это тысяча шестьсот фунтов.

(«Он не любит меня. Ему на меня плевать. Я его ненавижу. Я готова его убить. Черт побери этого американца!»)

– А если он оставит меня на второй год, я буду получать триста долларов в неделю. Это значит, что за два года я скоплю большую часть нужных нам четырех тысяч фунтов. Почти достаточно, чтобы начать дело.

– На второй год?! – На какой-то миг Джулия перестала владеть собой, и в голосе ее послышались слезы. – Ты хочешь сказать, что уедешь на два года?

– Ну, летом я, понятно, вернусь. Они оплачивают мне обратный проезд, и я поеду домой, чтобы поменьше тратиться.

– Не знаю, как я тут буду без тебя!

Она произнесла эти слова весело, даже небрежно, словно из одной вежливости.

– Мы с тобой великолепно проведем время летом, и, знаешь, год, даже два пролетят в мгновение ока.

Майкл шел куда глаза глядят, но Джулия все время незаметно направляла его к известной ей цели, и как раз в этот момент они оказались перед дверьми театра. Джулия остановилась.

– Пока. Мне надо заскочить повидать Джимми.

Лицо Майкла омрачилось.

– Неужели ты хочешь меня бросить? Мне же не с кем поговорить. Я думал, мы зайдем куда-нибудь, перекусим перед спектаклем.

– Мне ужасно жаль. Джимми меня ждет, а ты сам знаешь, какой он.

Майкл улыбнулся ей своей милой, добродушной улыбкой.

– Ну, тогда иди. Я не буду таить на тебя зла за то, что ты подвела меня раз в жизни.

Он направился дальше, а Джулия вошла в театр через служебный вход. Джимми Лэнгтон устроил себе в мансарде крошечную квартирку, попасть в которую можно было через балкон первого яруса. Джулия позвонила у двери. Открыл ей сам Джимми. Он был удивлен, но рад.

– Хелло, Джулия, входи.

Она прошла мимо него, не говоря ни слова, и лишь когда оказалась в его захламленной, усеянной листами рукописей, книгами и просто мусором гостиной, обернулась и посмотрела ему в лицо. Зубы ее были стиснуты, брови нахмурены, глаза метали молнии.

– Дьявол!

Одним движением она подскочила к нему, схватила обеими руками за расстегнутый ворот рубахи и встряхнула. Джимми попытался высвободиться, но она была сильная, к тому же разъярена.

– Прекрати!

– Дьявол, свинья, грязная, подлая скотина!

Джимми размахнулся и отпустил ей пощечину. Джулия инстинктивно выпустила его и прижала руку к лицу, так как ударил он больно. Джулия заплакала.

– Негодяй! Шелудивый пес! Бить женщину!

– Это ты говори кому-нибудь другому, милочка. Ты разве не знаешь, что, если меня ударят, пусть даже и женщина, я ударю в ответ?

– Я вас не трогала.

– Ты чуть не задушила меня.

– Вы это заслужили. О Господи, да я готова вас убить.

– Ну-ка, сядь, цыпочка, и я дам тебе капельку виски, чтобы ты пришла в себя. А потом все мне расскажешь.

Джулия оглянулась в поисках кресла, куда бы она могла сесть.

– Господи, настоящий свинушник! Почему вы не пригласите поденщицу, чтобы она здесь убрала?

Сердитым жестом она скинула на пол книги с кресла, бросилась в него и расплакалась, теперь уже всерьез. Джимми налил ей порядочную дозу виски, добавил каплю содовой и заставил выпить.

– Ну а теперь объясни, по какому поводу вся эта сцена из «Тоски»[26 - Опера Джакомо Пуччини (1858–1924), итальянского композитора.]?

– Майкл уезжает в Америку.

– Да?

Она вывернулась из-под руки, обнимавшей ее за плечи.

– Как вы могли? Как вы могли?

– Я тут совершенно ни при чем.

– Ложь. Вы, верно, не знаете даже, что этот мерзкий антрепренер в Миддлпуле? Это ваша работа, нечего и сомневаться. Вы сделали это нарочно, чтобы нас разлучить.

– Душечка, ты несправедлива ко мне. По правде говоря, я сказал, что он может забрать у меня любого члена труппы, кроме Майкла Госселина.

Джулия не видела выражения его глаз при этих словах, иначе она спросила бы себя, почему у него такой довольный вид, словно ему удалось сыграть с кем-то очень хорошую шутку.

– Даже меня? – спросила она.

– Я знал, что актрисы ему не нужны. У них и своих хватает. Им нужны актеры, которые умеют носить костюмы и не плюют в гостиной на пол.

– О, Джимми, не отпускайте Майкла! Я этого не переживу.

– Как я могу ему помешать? Его контракт со мной истекает в конце нынешнего сезона. Это приглашение – большая удача для него.

– Но я его люблю. Я хочу его. А вдруг он в Америке кого-нибудь увидит? Вдруг какая-нибудь богатая наследница увлечется им?

– Если любовь к тебе его не остановит, что ж, скатертью дорожка, сказал бы я.

Его слова вновь привели Джулию в ярость.

– Поганый евнух, что вы знаете о любви?!

– Ох уж эти мне женщины, – вздохнул Джимми. – Если пытаешься лечь с ними в постель, они называют тебя грязным старикашкой, если нет – поганым евнухом…

– Ах, вы не понимаете! Он так потрясающе красив, они станут влюбляться в него одна за другой, а он так легко поддается лести. За два года многое может случиться.

– За два года?

– Если его хорошо примут, он останется еще на год.

– Ну, насчет этого можешь не волноваться. Он вернется в конце первого же сезона, и вернется навсегда. Этот антрепренер видел его только в «Кандиде». Единственная роль, в которой он более или менее сносен. Помяни мое слово, не пройдет и месяца, как они обнаружат, что совершили невыгодную сделку. Его ждет провал.

– Что вы понимаете в актерах!

– Все.

– Я бы с радостью выцарапала вам глаза.

– Предупреждаю, если ты попробуешь меня тронуть, на этот раз не отделаешься легким шлепком, такую получишь затрещину, что неделю сесть не сможешь.

– О Господи, и не сомневаюсь. И вы называете себя джентльменом?

– Только когда я пьян.

Джулия хихикнула, и Джимми понял, что худшее осталось позади.

– Ты знаешь не хуже меня, что на сцене ему до тебя далеко. Говорю тебе: ты будешь величайшей актрисой после миссис Кендел[27 - Кендел, Мэлж (1849–1935) – английская актриса.]. Зачем тебе связывать себя с человеком, который всегда будет камнем у тебя на шее? Вы хотите иметь собственный театр, он будет претендовать на роль твоего партнера. Майкл никогда не станет хорошим актером.

– У него есть внешность. Я могу вытащить его.

– От скромности ты не умрешь. Но тут ты ошибаешься. Если ты хочешь добиться успеха, ты не можешь позволить себе иметь партнера, который недотягивает до тебя.

– Мне наплевать. Я скорее выйду замуж за него и потерплю провал, чем за кого-нибудь другого, чтобы добиться успеха.

– Ты девственница?

Джулия снова хихикнула.

– Это вас не касается, но, представьте, да.

– Так я и думал. Ну, если это тебе не так важно, почему бы вам с ним не отправиться на пару недель в Париж, когда мы закроемся? Он не отплывет в Америку раньше августа. Может, тогда утихомиришься!

– Он не хочет. Он не такой человек. Он джентльмен.

– Даже высшие классы производят себе подобных.

– Ах, вы не понимаете! – надменно проговорила Джулия.

– Спорю, что и ты – тоже.

Джулия не снизошла до ответа. Она действительно была очень несчастна.

– Я не могу без него жить, говорю вам. Что мне с собой делать, когда он уедет?

– Оставаться у меня. Я ангажирую тебя еще на год. У меня есть для тебя куча новых ролей, и я приглядел актера на амплуа первого любовника. Не актер, а находка. Ты не поверишь, насколько легче играть с партнером, когда есть отдача. Я буду платить тебе двенадцать фунтов в неделю.

Джулия подошла к нему и испытующе посмотрела в глаза.

– И вы все это подстроили, чтобы заставить меня пробыть у вас еще сезон? Разбили мне сердце, разрушили всю мою жизнь только ради того, чтобы удержать в своем паршивом театре?!

– Клянусь, что нет. Ты мне нравишься, я восхищаюсь тобой. И за последние два года дела у нас идут как никогда. Но, черт подери, такой подлости я бы не совершил.

– Лгун, грязный лгун!

– Клянусь, это чистая правда.

– Докажите это тогда! – горячо сказала она.

– Как я могу доказать? Ты сама знаешь, я действительно порядочный человек.

– Дайте мне пятнадцать фунтов в неделю, и я вам поверю.

– Пятнадцать фунтов в неделю! Тебе известно, какие у нас сборы. Я не могу. А, ладно… Но мне придется добавлять три фунта из собственного кармана.

– Не моя печаль!

Глава шестая

После двух недель репетиций Майкла сняли с роли, на которую его ангажировали, и три или четыре недели он ждал, пока ему подыщут что-нибудь еще. Начал он в пьесе, которая не продержалась в Нью-Йорке и месяца. Труппу послали в турне, но спектакль принимали все хуже и хуже, и его пришлось изъять из репертуара. После очередного перерыва Майклу предложили роль в исторической пьесе, где его красота предстала в таком выгодном свете, что никто не заметил, какой он посредственный актер; в этой роли он и закончил сезон. О возобновлении контракта не было и речи. Пригласивший его антрепренер говорил весьма язвительно:

– Я бы много отдал, чтобы сквитаться с этим типом, Лэнгтоном, сукин он сын! Он знал, что делает, когда подсовывал мне этого истукана.

Джулия регулярно писала Майклу толстые письма, полные любви и сплетен, а он отвечал раз в неделю четким аккуратным почерком, каждый раз четыре страницы, не больше не меньше. Он неизменно подписывался «любящий тебя…», но в остальном его послания носили скорее информационный характер. При всем том Джулия ожидала каждого письма со страстным нетерпением и без конца его перечитывала. Тон у Майкла был бодрый, но хотя он почти ничего не говорил о театре, упоминал только, что роли ему предложили дрянные, а пьесы, в которых пришлось играть, ниже всякой критики, в театральном мире быстро все узнают, и Джулия слышала, что успеха он не имел.

«Конечно, это с моей стороны свинство, – думала она, – но я так рада!»

Когда Майкл сообщил день приезда, Джулия не помнила себя от счастья. Она заставила Джимми так построить программу, чтобы она смогла поехать в Ливерпуль встретить Майкла.

– Если корабль придет поздно, я, возможно, останусь на ночь, – сказала она Джимми.

Он иронически улыбнулся:

– Ты, видно, думаешь, что в суматохе возвращения домой тебе удастся его совратить?

– Ну и свинья же вы!

– Брось, душенька. Мой тебе совет: подпои его, запрись с ним в комнате и скажи, что не выпустишь, пока он тебя не обесчестит.

Но когда Джулия собралась ехать, Джимми проводил ее до станции. Подсаживая в вагон, похлопал по руке:

– Волнуешься, дорогая?

– Ах, Джимми, милый, я безумно счастлива и до смерти боюсь.

– Ну, желаю тебе удачи. И не забывай: он тебя не стоит. Ты молода, хороша собой, и ты – лучшая актриса Англии.

После отхода поезда Джимми направился в станционный буфет и заказал виски с содовой. «Как безумен род людской»[28 - Шекспир, Вильям. Сон в летнюю ночь.], – вздохнул он. А Джулия в это время стояла в пустом купе и глядела в зеркало.

«Рот слишком велик, лицо слишком тяжелое, нос слишком толстый. Слава Богу, у меня красивые глаза и красивые ноги. Не чересчур ли я накрашена? Майкл не любит грима вне сцены. Но я жутко выгляжу без румян и помады. Ресницы у меня что надо. А, черт побери, не такая уж я уродина».

Не зная до последнего момента, отпустит ли ее Джимми, Джулия не предупредила Майкла, что встретит его. Он был удивлен и откровенно рад. Его прекрасные глаза сияли.

– Ты стал еще красивее, – сказала Джулия.

– Ах, не болтай глупостей, – засмеялся он, обнимая ее. – Ты ведь можешь задержаться до вечера?

– Я могу задержаться до завтрашнего утра. Я заказала две комнаты в «Адельфи», чтобы мы могли вволю поболтать.

– А не слишком «Адельфи» роскошно для нас?

– Ну, не каждый же день ты возвращаешься из Америки. Плевать на расходы.

– Мотовочка, вот ты кто. Я не знал, когда мы войдем в док, поэтому написал домой, что сообщу телеграммой время приезда. Телеграфирую, что приеду завтра.

Когда они оказались в отеле, Майкл по приглашению Джулии пришел в ее комнату, чтобы поговорить без помех. Она села к нему на колени, обвила его шею рукой, прижалась щекой к щеке.

– Ах, как приятно снова быть дома, – вздохнула она.

– Можешь мне этого не говорить, – отозвался он, не догадавшись, что она имеет в виду его объятия, а не Англию.

– Я тебе все еще нравлюсь?

– Еще как!

Она горячо поцеловала его.

– Ты не представляешь, как я по тебе скучала!

– Я полностью провалился в Америке, – сказал Майкл. – Не хотел тебе об этом писать, чтобы зря не расстраивать. Они считали, что я никуда не гожусь.

– Майкл! – вскричала она, словно не могла этому поверить.

– Думаю, я для них слишком типичный англичанин. Я им больше не нужен. Я так и предполагал, но все же для проформы спросил, собираются ли они продлить контракт, и они ответили: нет, ни за какие деньги.

Джулия молчала. Вид у нее был озабоченный, но сердце громко билось от радости.

– Но мне все равно, честно. Мне не понравилась Америка. Конечно, спорить не приходится, это удар по самолюбию, но что мне остается? Улыбнуться, и все. Как-нибудь переживем. Если бы ты знала, с какими типами там приходилось якшаться! Да по сравнению с некоторыми из них Джимми Лэнгтон – настоящий джентльмен. Даже если бы они попросили меня остаться, я бы отказался.

Хотя Майкл делал хорошую мину при плохой игре, Джулия видела, что он глубоко уязвлен. С чем только, должно быть, ему не приходилось мириться! Ей было ужасно его жаль, но, ах, какое она испытывала колоссальное облегчение.

– Какие у тебя теперь планы? – спокойно спросила она.

– Ну, побуду какое-то время дома и все как следует обдумаю. А потом поеду в Лондон, посмотрю, не удастся ли получить роль.

Она знала, что предлагать ему вернуться в Миддлпул было бесполезно. Джимми Лэнгтон его не возьмет.

– Ты, вероятно, не захочешь поехать со мной?

Джулия не верила собственным ушам.

– Я? Любимый, ты же знаешь, что я с тобой – хоть на край света.

– Твой контракт кончается в конце этого сезона, и, если ты намерена чего-то достичь, пора уже завоевывать Лондон. Я экономил в Америке каждый шиллинг. Они называли меня скупердяем, но я и ухом не вел. Привез домой около полутора тысяч фунтов.

– Как это тебе удалось, ради всего святого?

– Ну, я не очень-то раскошеливался, – радостно улыбнулся он. – Конечно, театр на это не откроешь, но на то, чтобы жениться, хватит; я хочу сказать, нам будет на что опереться, если мы не получим сразу ангажемента или потом окажемся временно без работы.

Джулии понадобилось несколько секунд, чтобы осознать его слова.

– Ты хочешь сказать – пожениться сейчас?

– Конечно, это рискованно, когда у нас нет ничего в перспективе, но иногда стоит пойти и на риск.

Джулия взяла его лицо в ладони и прижалась губами к его губам. Затем от всего сердца вздохнула:

– Любимый, ты замечательный, и ты красив, как греческий бог, но ты – самый большой глупец, какого я знала в жизни.

Вечером они пошли в театр, а за ужином заказали бутылку шампанского, чтобы отпраздновать их воссоединение и поднять тост за счастливое будущее. Когда Майкл проводил Джулию до дверей ее комнаты, она подставила ему щеку.

– Ты хочешь, чтобы я пожелал тебе доброй ночи в коридоре? Может, я зайду к тебе на минуту?

– Лучше нет, любимый, – ответила она со спокойным достоинством.

Джулия ощущала себя высокородной девицей, которая должна блюсти все традиции своей знатной и древней фамилии; ее чистота была бесценной жемчужиной. Она также видела, что производит на редкость хорошее впечатление. Майкл был настоящий джентльмен, и, черт подери, ей приличествовало вести себя настоящей леди. Джулия была так довольна разыгранной ею мизансценой, что, войдя в комнату и, пожалуй, излишне громко защелкнув дверь, она гордо прошлась взад-вперед, милостиво кивая направо и налево своим раболепным вассалам. Она протянула лилейную руку для поцелуя

трепещущему старому мажордому (в детстве он часто качал ее на колене), и, когда он прижался к ней бледными губами, она почувствовала, как на нее что-то капнуло. Слеза.

Глава седьмая

Первый год их брака был бы очень бурным, если бы не ровный характер Майкла. Лишь радость, когда он получал хорошую роль, лихорадка во время премьеры или возбуждение после вечеринки, на которой он выпил несколько бокалов шампанского, были способны обратить практический ум Майкла к любви. Никакая лесть, никакие соблазны не могли его совратить, если на следующий день его ждала деловая встреча, для которой требовалась свежая голова, или предстоял раунд в гольф, для которого был нужен верный глаз. Джулия закатывала ему безумные сцены. Она ревновала его к приятелям по артистическому клубу, к играм, которые уводили его от нее, к официальным завтракам, которые он не пропускал под тем предлогом, что необходимо заводить знакомства среди людей, которые могут им пригодиться. Ее приводило в ярость, что, когда она доходила до истерического припадка, он сидел совершенно спокойно, скрестив на коленях руки, с добродушной улыбкой на красивом лице, словно все это просто забавно.

– Ты же не думаешь, что я бегаю за другими женщинами? – спрашивал он.

– Почем я знаю? Слепому видно, что на меня тебе наплевать.

– Тебе прекрасно известно, что ты для меня единственная женщина на свете.

– О Боже!

– Я не понимаю, чего ты хочешь.

– Я хочу любви. Я думала, что вышла за самого красивого мужчину в Англии, а я вышла за портновский манекен.

– Не говори глупостей. Я – обыкновенный нормальный англичанин, а не итальянский шарманщик.

Джулия величаво расхаживала взад-вперед по комнате. У них была небольшая квартирка на Бэкингемгейт, и развернуться там было негде, но Джулия старалась как могла. Она вздымала руки к небесам:

– Я могла бы быть кривой и горбатой. Мне могло бы быть пятьдесят. Неужели я настолько непривлекательна? Так унизительно вымаливать твою любовь. Ах, как я несчастна!

– А это был удачный жест, дорогая. Словно ты посылаешь вперед крикетный мяч. Запомни его.

Она бросала на него презрительный взгляд.

– Единственное, о чем ты способен думать. У меня разрывается сердце, а ты говоришь о каком-то случайном жесте.

Но он видел по выражению ее лица, что она откладывала его в памяти, и знал: когда представится случай, она воспользуется им.

– В конце концов любовь еще не все. Она хороша в положенное время и в положенном месте. Мы неплохо развлекались во время медового месяца, на то он и предназначен, а теперь пора браться за работу.

Им повезло. Оба они умудрились получить вполне приличные роли в пьесе, которая имела успех. У Джулии была одна сильная сцена, всегда вызывавшая бурные аплодисменты; удивительная красота Майкла произвела своего рода сенсацию. Майкл с его корректной предприимчивостью, с его веселым добродушием создал им прекрасную рекламу, фотографии их обоих стали появляться в иллюстрированных газетах. Их часто приглашали на званые вечера, и Майкл, несмотря на свою бережливость, не колеблясь тратил деньги на прием людей, которые могли оказаться им полезны. Джулию прямо поражала его щедрость в этих случаях. Антрепренер театра, в котором они играли, предложил Джулии главную роль в следующей пьесе, и хотя там не было ничего подходящего для Майкла и ей очень хотелось отказаться, он ей этого не разрешил. Он сказал, что они не могут позволить чувствам мешать делу. А

вскоре и Майкл получил роль в исторической пьесе.

Они оба играли, когда разразилась война. К гордости и отчаянию Джулии, Майкл тут же записался в добровольцы, но с помощью одного из старых отцовских сослуживцев, который был важной персоной в военном министерстве, ему очень скоро присвоили офицерское звание. Когда Майкл отправился во Францию, Джулия горько сожалела о всех тех упреках, которыми она так часто осыпала его, и решила, если он будет убит, покончить с собой. Она хотела стать сестрой милосердия и тоже поехать на фронт – по крайней мере станет ходить по одной земле с ним; но Майкл объяснил, что ее патриотический долг – продолжать выступления, и она была не в силах отказать ему в просьбе, которая могла оказаться последней. Майкл от души наслаждался войной. Он пользовался большой популярностью в полковом клубе, и старые кадровые офицеры приняли его как своего, несмотря на то что он был актером. Казалось, будто семья потомственных военных, из которой он вышел, поставила на нем свою печать, так что он инстинктивно стал держаться и даже думать как профессиональный офицер. Майкл был тактичен, умел себя вести и искусно пускал в ход свои связи, он просто неминуемо должен был попасть в свиту какого-нибудь генерала. Он проявил себя хорошим организатором и последние три года войны провел в ставке главнокомандующего. Вернулся Майкл майором с крестом и орденом Почетного легиона.

Тем временем Джулия сыграла ряд крупных ролей и была признана лучшей актрисой младшего поколения. Театр во время войны процветал, и Джулия немало выгадывала тем, что играла в спектаклях, которые долго не сходили со сцены. Жалованье возросло, и с помощью разумных советов Майкла она умудрилась, хотя и с трудом, выжимать из антрепренеров по восемьдесят фунтов в неделю. Майкл приезжал в Англию в отпуск, и Джулия бывала безумно счастлива. Хотя он не был бы в большей безопасности, занимайся он разведением овец в Новой Зеландии, Джулия вела себя так, будто те коротенькие периоды, что он с ней проводил, – последние дни, которыми ему суждено наслаждаться в этом мире, будто он только что вырвался из кошмара окопной жизни. Она была с ним нежна, заботлива и нетребовательна.

А незадолго до конца войны Джулия его разлюбила.

Она была в то время беременна. По мнению Майкла, заводить тогда ребенка было довольно опрометчиво, но Джулии было уже под тридцать, и она решила, что если они вообще хотят иметь детей, то откладывать больше нельзя. Ее

положение в театре настолько упрочилось, что она могла позволить себе исчезнуть со сцены на несколько месяцев, и при том, что Майкла могли в любой момент убить, – конечно, он говорил, что ему абсолютно ничего не грозит, но он просто успокаивал ее, даже генералов и тех убивали, – удержать ее в жизни мог только его ребенок. Роды предстояли в конце года. Джулия ждала следующего отпуска Майкла как никогда раньше. Чувствовала она себя прекрасно, но немного растерянно и беспомощно, страшно тосковала по его объятиям, ей так нужны были его защита и покровительство. Майкл приехал. Он был удивительно красив в своей хорошо скроенной форме с нашивками штабиста и короной на погонах. Он загорел и в результате лишений, которые испытывал в ставке, довольно сильно пополнел. Коротко стриженный, с бравой выправкой и беспечным видом, он выглядел военным до кончиков ногтей. Настроение у него было великолепное, и не только потому, что он выбрался на несколько дней домой, – уже был виден конец войны. Майкл намеревался уйти из армии как можно скорее. Что толку иметь хоть какие-то связи, если не использовать их? Так много молодых актеров покинули сцену – кто из патриотизма, кто потому, что оставшиеся дома патриоты сделали их жизнь невыносимой, кто по призыву, – что главные роли попали в руки людей или непригодных для военной службы, или уволенных из армии по ранению. Обстановка была на редкость благоприятная, и Майкл понимал, что, если не будет терять времени, он сможет выбирать роли по своему усмотрению. А когда он вновь напомнит о себе публике, они начнут присматривать театр и при той репутации, которой добилась Джулия, без риска начнут собственное дело.

Они проговорили обо всем этом за полночь, а потом легли в постель. Джулия страстно прильнула к нему, он ее обнял. После трех месяцев воздержания Майкл был настроен на любовный лад.

– Ты моя милая женушка, – прошептал он.

Он прижался губами к ее губам. И вдруг Джулию охватило смутное отвращение. Она еле удержалась, чтобы его не оттолкнуть. Раньше ей казалось, что его тело, его юное прекрасное тело пахнет цветами и медом, она жадно вдыхала этот сладостный аромат, такие вот ощущения и приковывали ее к Майклу, но теперь каким-то таинственным образом Майкл утратил свое очарование. Джулия осознала, что он потерял аромат юности и стал просто мужчиной. Она почувствовала легкую тошноту. Она не могла ответить на его пыл, больше всего ей хотелось, чтобы он поскорее удовлетворил желание, перевернулся на другой бок и уснул. Джулия долго лежала без сна. Она была в смятении. Сердце ее

щемило, она знала, что лишилась чего-то очень дорогого, ей было себя жаль, она готова была заплакать, но в то же время ее переполняло торжество; казалось, она мстит ему за свои прошлые, такие горькие муки. Она была свободна от уз, которые привязывали ее к Майклу, и ликовала. Теперь она будет с ним на равных. Джулия вытянула ноги и облегченно вздохнула: «Господи, как прекрасно быть самой себе хозяйкой».

Они позавтракали в спальне: Джулия – в постели, Майкл – за маленьким столиком рядом. Она всматривалась в него, в то время как он читал газету, острым, оценивающим взглядом. Неужели каких-то три месяца могли так его изменить? А может быть, все годы она смотрела на Майкла глазами, которые впервые увидели его, когда он вышел в Миддлпуле на сцену во всем великолепии юности и красоты и поразил ее любовью, как смертельной болезнью? Майкл все еще был удивительно хорош собой. В конце концов ему всего тридцать шесть, но юность осталась позади; с коротко стриженной головой, обветренной кожей, легкими морщинками, уже начинающими бороздить его гладкий лоб и появляться у уголков глаз, он был – решительно и бесповоротно – мужчиной. Он утратил свою щенячью грацию, жесты его стали однообразны. Взятые в отдельности, это были мелочи, но, собранные вместе, они абсолютно все меняли. Майкл постарел.

Они по-прежнему жили в квартирке, снятой, когда они только приехали в Лондон. Хотя последнее время Джулия очень неплохо зарабатывала, казалось, нет смысла переезжать, пока Майкл находится в действующей армии. Однако теперь, когда они ожидали ребенка, квартира, безусловно, была слишком мала. Джулия присмотрела дом в Риджентс-парке, который очень ей понравился. Она хотела заблаговременно там обосноваться и ждать родов.

Дом выходил окнами в сад. Над бельэтажем, где помещались гостиная и столовая, были две спальни, а на втором этаже еще две комнаты, которые можно было использовать как дневную и ночную детские. Майклу все очень понравилось, даже цена показалась ему умеренной. Джулия за последние четыре года зарабатывала настолько больше его, что предложила меблировать дом за свой счет. Они стояли в одной из двух спален.

– Я могу перевезти для своей спальни то, что у нас есть, – сказала она. – А для тебя куплю хороший гарнитур у Мейпла.

– Я бы не стал входить в большие расходы на мою комнату, – улыбнулся он, – вряд ли я часто стану ею пользоваться.

Майкл любил спать с ней в одной постели. Не будучи страстным, он был нежен, и ему доставляло животное наслаждение чувствовать ее рядом с собой. Много лет это было ее величайшей радостью. Сейчас мысль об этом привела ее в раздражение.

– О, я не уверена, что мы сможем позволить себе эти глупости, пока не родится ребенок. До тех пор тебе придется спать одному.

– Я об этом не подумал. Если ты считаешь, что для малыша так лучше…

Глава восьмая

Майкл демобилизовался буквально в тот же день, как кончилась война, и сразу получил ангажемент. Он вернулся на сцену куда лучшим актером, чем раньше. Беспечные замашки, приобретенные им в армии, были на сцене весьма эффектны. Непринужденный, спортивный, всегда веселый малый, с легкой улыбкой и сердечным смехом, он хорошо подходил для салонных пьес. Его высокий голос придавал особую пикантность фривольной реплике, и, хотя серьезная страсть по-прежнему выглядела у него неубедительно, он мог предложить руку и сердце словно в шутку, объясниться с таким видом, будто сам над собой смеется, и так провести задорную любовную сцену, что публика была в восторге. Майкл никогда и не пытался играть никого, кроме самого себя. Он специализировался на ролях жуиров, богатых повес, джентльменов-игроков, гвардейцев и славных молодых бездельников. Антрепренеры любили его. Майкл усердно работал и подчинялся указаниям. Главное для него было получить роль, а какую – не имело особого значения. Он упорно добивался жалованья, которого, считал, заслуживает, но, если ему это не удавалось, предпочитал согласиться на меньшее, чем сидеть без работы.

Майкл тщательно продумал свои планы. Зимой, сразу после конца войны, разразилась эпидемия инфлюэнцы. Родители Майкла умерли. Он получил в наследство около четырех тысяч фунтов, что вместе с его сбережениями и деньгами Джулии составило почти семь тысяч. Однако плата за театральное

помещение чудовищно подскочила, жалованье актерам и рабочим сцены также возросло, и для того, чтобы открыть собственный театр, требовалось теперь куда больше денег. Суммы, которой до войны с избытком могло хватить, теперь было далеко не достаточно. Оставалось одно – заинтересовать богатого человека, который вошел бы с ними в пай, чтобы один или два неудачных спектакля не выбили их из седла. Говорили, что всегда можно найти простофилю, который выпишет чек на кругленькую сумму для постановки новой пьесы, но, когда вы переходили от слов к делу, обнаруживалось, что главную роль в этой пьесе должна играть какая-нибудь красотка, которой он покровительствует, и деньги будут даны только при этом условии. Много лет назад Майкл и Джулия часто шутили насчет того, что какая-нибудь богатая старуха влюбится в Майкла и поможет ему открыть свой театр, но они уже давно поняли, что молодому актеру, у которого жена – актриса и он ей верен, никакой такой богатой старухи не отыскать. И все же они нашли женщину с деньгами, причем отнюдь не старуху, но интересовалась она не Майклом, а Джулией.

Долли де Фриз была вдова. Эта низенькая, тучная, несколько мужеподобная женщина с красивым орлиным носом, красивыми темными глазами, неуемной энергией, экспансивная и вместе с тем неуверенная в себе обожала театр. Когда Джулия и Майкл решили попытать счастья в Лондоне, Джимми Лэнгтон, к которому она порой приходила на выручку, когда казалось, что ему придется закрыть театр, дал к ней рекомендательное письмо с просьбой по возможности им помочь. Миссис де Фриз уже видела Джулию в Миддлпуле. Она устроила несколько званых вечеров, чтобы познакомить молодых актеров с антрепренерами, и пригласила их в свой великолепный дом возле Гилдфорда, где они окунулись в роскошь, которая никогда им не снилась. Майкл ей совсем не понравился. Джулия восхищалась цветами, которые Долли де Фриз присылала к ней на квартиру и в уборную театра, была в восторге от ее подарков: сумочек, несессеров, бус из полудрагоценных камней, брошей, но никак не показывала, что догадывается, чем вызвана щедрость Долли, и принимала ее исключительно как дань своему таланту. Когда Майкл ушел на войну, Долли настаивала на том, чтобы Джулия переехала к ней, в ее дом на Монтегью-сквер, но Джулия, пылко поблагодарив, отказалась, причем в такой тактичной форме, что Долли, вздохнув и уронив слезу, не могла не восхищаться ею еще сильней. Когда родился Роджер, Джулия пригласила Долли быть его крестной матерью.

Некоторое время Майкл подумывал, не обратиться ли к Долли. Но он был достаточно проницателен и понимал, что даже если бы она и сделала что-то для Джулии, она ничего не сделает для него. А Джулия наотрез отказалась

прибегать к ее помощи.

– Она и так была к нам очень добра, право, я не могу еще что-то у нее клянчить, и будет так неприятно, если она откажет.

– Игра стоит свеч, а она, если и потеряет на этом кое-что, даже не почувствует. Я уверен, что ты могла бы ее уломать, если бы захотела.

Джулия ничуть в этом не сомневалась. Майкл так наивен в некоторых вещах; она не считала нужным указывать ему на очевидные факты.

Но Майкл был не из тех, кто легко отступается от того, что задумал. Госселины ехали в Гилдфорд, чтобы провести субботу и воскресенье у Долли, в новой машине, которую Джулия подарила Майклу ко дню рождения. Был прекрасный теплый вечер. Майкл только недавно купил преимущественное право на постановку трех пьес, которые им обоим понравились, и слышал о здании театра, которое можно было снять на приемлемых условиях. Все было готово, чтобы начать дело, не хватало одного – денег. Майкл уговаривал Джулию воспользоваться предстоящим визитом.

– Сам попроси, если тебе так хочется, – нетерпеливо сказала Джулия. – Говорю тебе: я просить не стану.

– Мне она не даст. А ты можешь из нее веревки вить.

– Мы с тобой уже хорошо знаем, при каких условиях финансируют пьесы. Или человек хочет получить славу, пусть даже плохую, или он в кого-нибудь влюблен. Куча людей болтает об искусстве, но редко увидишь, чтобы они платили за него чистоганом, если не надеются извлечь из этого что-нибудь для самих себя.

– Что ж, предоставим Долли всю славу, какую она захочет.

– Ей нужно совсем другое.

– Что ты имеешь в виду?

– А ты не догадываешься?

Только тут его осенило. Майкл был так изумлен, что сбавил скорость. Неужели Джулия права? Он всегда считал, что не нравится Долли, а уж предполагать, что она в него влюблена, – это ему и в голову не могло прийти. Конечно, Джулия – женщина проницательная, ничего не пропустит, но она так ревнива, крошка, ей вечно кажется, будто женщины вешаются ему на шею. Спору нет, Долли подарила ему к Рождеству запонки, но он-то полагал, она просто не хочет, чтобы он был в обиде, – ведь Джулии она подарила брошь, которая стоит не меньше двухсот фунтов. Должно быть, это было сделано для отвода глаз. Ну, он может, положа руку на сердце, сказать, что никогда не подавал ей надежд. Джулия хихикнула:

– Нет, милый, она влюблена, но не в тебя.

Майкл смутился. И как это Джулия всегда угадывает, о чем он думает? Да, от нее ничего не скроешь.

– Тогда зачем ты навела меня на эту мысль? Выражайся, ради всего святого, так, чтобы тебя можно было понять.

Это Джулия и сделала.

– В жизни не слышал такой чепухи! – воскликнул Майкл. – У тебя просто грязное воображение, Джулия.

– Брось, милый.

– Нет, я не верю ни единому твоему слову. В конце концов, у меня тоже есть глаза. Неужели я бы ничего не заметил?

Джулия еще никогда не видела его таким рассерженным.

– И даже если это правда, я думаю, ты сумеешь за себя постоять. Это один шанс на тысячу, просто безумие его пропустить.

– Клавдио и Изабелла в «Мере за меру»[29 - Комедия Вильяма Шекспира.].

– Подло так говорить, Джулия. Я все же джентльмен.

«Nemo me impune lacessit».

Остаток пути прошел в грозовом молчании.

Миссис де Фриз не спала и поджидала их.

– Я не хотела ложиться, пока не увижу вас, – сказала она, заключая Джулию в объятия и целуя в обе щеки. Майклу она едва пожала руку.

Джулия с удовольствием провалялась все утро в постели, просматривая воскресные газеты. Она начинала с театральных новостей, затем переходила к светской хронике, затем к женской странице и, наконец, скользила взглядом по заголовкам остальных статей. Рецензии на книги она не удостаивала вниманием, ей было вообще непонятно, зачем на них тратят так много места. Майкл, спавший в соседней комнате, заглянул пожелать ей доброго утра и вышел в сад. Вскоре раздался негромкий стук в дверь, вошла Долли. Ее большие черные глаза сияли. Она села на край кровати и взяла Джулию за руку.

– Дорогая, я разговаривала с Майклом. Я хочу финансировать ваш театр.

У Джулии громко забилось сердце.

– О, Майкл не должен был вас просить! Я не хочу. Вы и так уже столько для нас сделали.

Долли наклонилась и поцеловала Джулию в губы. Голос ее был ниже, чем обычно, и слегка дрожал.

– Ах, моя любовь, разве вы не знаете, что я сделала бы для вас все на свете! Это будет так замечательно, это так сблизит нас, и я буду так вами горда!

Они услышали, что по коридору, насвистывая, идет Майкл; когда он вошел в комнату и Долли обернулась к нему, ее глаза были полны слез.

– Я ей рассказала.

Майкл не мог сдержать радости.

– Вот это женщина! – Он присел на кровать с другой стороны и взял Джулию за руку, которую только что отпустила Долли. – Ну, что скажешь, Джулия?

Она задумчиво взглянула на него.

– «Vous l’avez voulu, Georges Dandin»[30 - «Ты этого хотел, Жорж Данден» (фр.).].

– Что это?

– Мольер.

Как только был подписан договор товарищества и Майкл снял помещение на осенний сезон, он нанял агента по рекламе. В газеты были посланы краткие извещения об открытии нового театра. Майкл вместе с агентом приготовил интервью для Джулии и для себя самого, которые они дадут прессе. В еженедельных газетах появились их фотографии – поодиночке, вдвоем и вместе с Роджером, – они взяли семейный тон и старались выжать из него все что можно. Они еще не решили, которой из трех пьес лучше начать. И вот как-то днем, когда Джулия сидела у себя в спальне и читала роман, вошел Майкл с рукописью в руке.

– Послушай, я хочу, чтобы ты просмотрела эту пьесу. Агент только что прислал ее. По-моему, ее ждет сногсшибательный успех. Но ответ надо дать сразу.

Джулия отложила роман.

– Я сейчас за нее возьмусь.

– Я буду внизу. Передай, когда кончишь, я приду, и мы с тобой ее обсудим. Там для тебя изумительная роль.

Джулия читала быстро, лишь проглядывая те сцены, которые ее не интересовали, уделяя все внимание роли героини, – ведь ее, естественно, будет

играть она. Окончив, она дернула колокольчик и попросила служанку (которая была также ее костюмершей) сказать Майклу, что она его ждет.

– Ну, что ты думаешь?

– Пьеса хорошая. Она должна иметь успех.

Он услышал в ее голосе некоторое сомнение.

– В чем же тогда вопрос? Твоя роль замечательная. Такие вещи ты умеешь делать лучше всех. Много комедийных сцен, и чувств хоть отбавляй.

– Роль чудесная, я не спорю; меня смущает мужская роль.

– Она тоже совсем неплоха.

– Да, но ему пятьдесят, и если ты сыграешь его моложе, пропадет самая соль. А роль пожилого человека тебе ни к чему.

– Да я и не собирался его играть. На нее годится только один актер, Монт Вернон. И мы заполучим его. А я буду играть Джорджа.

– Но это такая крошечная роль. Зачем она тебе?

– А почему нет?

– Я думала, мы откроем собственный театр для того, чтобы оба могли выступать в главных ролях.

– Ну, мне на это наплевать. Если в пьесе есть стоящая роль для тебя, меня нечего принимать в расчет. Может быть, в следующей пьесе больше повезет.

Джулия откинулась в кресле, и слезы потекли у нее по щекам.

– Ах, какая я свинья!

Майкл улыбнулся. Его улыбка была так же обаятельна, как прежде. Он подошел и опустился рядом с ней на колени, обнял.

– Что с тобой сегодня, старушка?

Глядя на него теперь, Джулия никак не могла понять, что вызывало в ней раньше такую безумную страсть. Теперь мысль об интимных отношениях с ним возбуждала в ней тошноту. К счастью, Майклу очень понравилась спальня, которую она для него обставила. Постель никогда не была для него на первом месте, и он испытал даже облегчение, увидев, что Джулия больше не предъявляет к нему никаких претензий. Он удовлетворенно думал, что рождение ребенка успокоило ее, он на это и надеялся, и лишь сожалел, что они не завели его гораздо раньше. Раза два он пытался, больше из любезности, чем по иной причине, возобновить их супружеские отношения, но Джулия выдвигала тот или иной предлог: она устала, не очень хорошо себя чувствует, у нее завтра два выступления, не считая утренней примерки костюмов. Майкл принял это с полнейшим спокойствием. С Джулией теперь было куда легче ладить, она не устраивала больше сцен, и он чувствовал себя счастливее, чем прежде. У него на редкость удачный брак; когда он глядел на другие пары, он не мог не видеть, как ему повезло. «Джулия славная женщина и умна, как сто чертей, с ней можно поговорить обо всем на свете. Лучший товарищ, какой у меня был, клянусь вам. Да, я не стыжусь признаться, что скорее проведу с ней день наедине, чем сыграю раунд в гольф».

Джулия с удивлением обнаружила, что стала жалеть Майкла с тех пор, как разлюбила его. Она была добрая женщина и понимала, каким это будет для него жестоким ударом по самолюбию, если он хотя бы заподозрит, как мало сейчас значит для нее. Она продолжала ему льстить. Джулия заметила, что он уже вполне спокойно выслушивает дифирамбы своему точеному носу и прекрасным глазам. Она посмеивалась про себя, видя, как он глотает самую грубую лесть. Больше она не боялась хватить через край. Взгляд ее все чаще останавливался на его тонких губах. Они делались все тоньше – к тому времени, когда он состарится, рот его превратится в узкую холодную щель. Бережливость Майкла, которая в молодости казалась забавной, даже трогательной чертой, теперь внушала ей отвращение. Когда люди попадали в беду, а с актерами это бывает нередко, они могли надеяться на сочувствие и хорошие слова, но никак не на звонкую монету. Он считал себя чертовски щедрым, когда расставался с гинеей, а пятифунтовый билет был для него пределом мотовства. Скоро он обнаружил, что Джулия тратит на хозяйство много денег, и, сказав, что хочет избавить ее от

хлопот, взял бразды правления в свои руки, после этого ничто не пропадало зря. Каждое пенни было на учете. Джулия не понимала, почему прислуга их не бросает. Видимо, потому, что Майкл был с ними мил. Своим сердечным, приветливым, дружеским обращением он добивался того, что все они стремились ему угодить, и кухарка разделяла его удовлетворение, когда находила мясника, который продавал на пенс с фунта дешевле, чем все остальные. Джулия не могла удержаться от смеха, думая, какая пропасть лежит между ним, с его страстью к экономии в жизни, и теми бесшабашными мотами, которых он так хорошо изображает на сцене. Она была уверена, что Майкл не способен на широкий жест, и вот вам, пожалуйста, словно ничего не может быть естественней, он готов отойти в сторону, чтобы дать ей хороший шанс. Джулия была так глубоко растрогана, что не могла говорить. Она горько упрекала себя за те дурные мысли, которые все последнее время возникали у нее в голове.

Глава девятая

Они поставили эту пьесу, и она имела успех. После того они ставили новые пьесы год за годом. Майкл вел театр тем же методом и с той же бережливостью, что и дом, извлекая каждое пенни из тех спектаклей, которые имели успех, когда же спектакль проваливался, что, естественно, порой случалось, потери их бывали сравнительно невелики. Майкл льстил себя мыслью, что во всем Лондоне не найдется театра, где бы так мало тратили на постановки. Он проявлял великую изобретательность, преображая старые декорации в новые, а используя на все лады мебель, которую он постепенно собрал на складе, не должен был тратиться на прокат. Они завоевали репутацию смелого и инициативного театра, так как Майкл был готов пойти на риск и поставить пьесу неизвестного автора, чтобы иметь возможность платить высокие отчисления известным. Он выискивал актеров, которые не имели случая создать себе имя и не претендовали поэтому на высокую оплату. И сделал несколько очень удачных находок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стиль английской мебели XVIII века.

2

Никто не тронет меня безнаказанно (лат.).

3

Сиддонс, Сара (1755–1831) – знаменитая английская актриса.

4

Натье, Жан Марк (1685–1766) – французский портретист.

5

Кембл, Джон (1757–1823) – английский актер.

6

Лоренс, Томас (1769–1830) – английский живописец.

7

Коклен, Бенцо Констан (1841–1909) – французский актер.

8

Бесовская красота (фр.).

9

Бенсон, Франк Роберт (1858–1939) – английский актер и режиссер, посвятивший себя постановке шекспировских пьес, организатор ежегодных фестивалей на родине Шекспира – в Стратфорде-на-Эйвоне.

10

Кин, Чарлз Джефри (1811–1868) – известный английский актер.

11

«В добрых отношениях» (фр.).

12

Постоянный член труппы «Комеди Франсез»; здесь: актриса (фр.).

13

«Комеди Франсез» (фр.).

14

Высшее музыкальное и театральное училище (фр.).

15

Бернар, Сара (1844–1923) – знаменитая французская актриса.

16

Муне-Сюлли, Жан (1841–1916) – известный французский актер.

17

Дузе, Элеонора (1859–1924) – итальянская актриса.

18

Героиня драмы Германа Зудермана (1857–1928) «Родина».

19

Драма Г. Ибсена.

20

Пьеса Б. Шоу.

21

Героиня одноименной драмы Г. Ибсена.

22

Пьеса Б. Шоу.

23

Драма Г. Ибсена.

24

Из стихотворения Ричарда Лавлейса (1618–1658) «Лукасте, уходя на войну».

25

Дру, Джон (1853–1927) – американский актер.

26

Опера Джакомо Пуччини (1858–1924), итальянского композитора.

27

Кендел, Мэлж (1849–1935) – английская актриса.

28

Шекспир, Вильям. Сон в летнюю ночь.

29

Комедия Вильяма Шекспира.

30

«Ты этого хотел, Жорж Данден» (фр.).

Купить: https://tellnovel.me/somerset-moem/teatr

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити